

УСКОРКА

(текст читайте на 59-й странице)

**ТВОИ
РОВЕСНИКИ**

№ 6

Июнь 1966 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Н. Слепакова

НАВЕРНО, ЭТО ОТТОГО...

От лета за год я отвык.
Отвык от леса

за год.

Смотрю, как много земляник —
больших и красных ягод.

Мне так и хочется глаза
раскрыть как можно шире.
Вот — собирается гроза
в огромном знойном мире.

В грозу, бывало, например,
дрожал я, сидя дома...
А прошлогодний гром
гремел,
и много было грома!

Ветвилась молния, слепя,
и ливень вниз бросался.
За прошлогоднего себя
я очень опасался!

А в этот год, а в этот год
я не дрожу — наоборот!
(Наверно, стал за этот год
и гром не тот, и дождь не тот!)

...А почему велосипед
я уступаю Гале?
Дрались мы с нею столько лет
за руль и за педали!

Велосипеда моего
мне стало вдруг не жалко!
(Наверно, это оттого,
что поумнела Галка!)

...А я —
когда я стал такой —
в июле или в марте —
что вдруг сумел достать рукой
до полюса на карте?

Мне даже боязно чуть-чуть,
и в то же время — весело.
(Наверно, карту
как-нибудь
пониже перевесили!)

БУКВАРЬ НА ДВОИХ

Про деда Спиридона в деревне говорили, что человек он с чудиной. Правда, за глаза. А в глаза величали уважительно — Спиридон Трофимович. Не все, конечно, величали. Богатеи звали просто Спирькой.

Дед и в самом деле любил «выкинуть коленце». В бане, например, он парился не так, как все мужики, а в шапке и в рукавицах. Зачерпнёт старым треухом ледяной воды, наденет его поплотнее, потом рукавицы натянет — и на полёк.

— Кинь, ребята, шаечку, — командует. — Вторую кинь, не скупись!

Раскалённая каменка стреляет, как из ружья. С шипением бьёт кверху пар. Не пар — крутой кипяток.

Все, кто был на полке, — камнем вниз. А дед Спиридон — веник в руки, и пошёл, и пошёл. Только пыхтит да побрякивает:

— Ух ты! Ух, благодать... Ещё бы шаечку парку...

Но поддавать некому, — все уже давно за дверью, в предбаннике, потому что в бане не продохнуть.

А то вдруг дудок наделает. Липовых. Обстругает, обрабатывает осколком стекла, дыро-

чек сверху напрожигает. Чёрненьких таких дырочек, чтобы пальцами перебирать, когда играет.

Играл он мастерски. На одной дудке — «Во саду ли в огороде», на другой — «Светит месяц».

Деревенская ребяшня, понятно, так к нему и липнет. И первым делом — родной внук Тимка:

— Научи!

Попробовал Тимка учиться на дудке, думал — это легко. Но оказалось — трудно. Остыл он к музыке, норовит деда стороной обойти. А дед, как нарочно, всё на глаза попадается, дразнит:

— Лодырь ты, Тимофей. Мякина, а не мужик...

Той осенью Тимка как раз в школу пошёл. Первое время дед всё на него издали поглядывал, в Тимкины дела не встревал.

Но вот однажды, уже зимой, незадолго перед рождественскими каникулами, слезает дед Спиридон с печи, подсаживается к Тимке на лавку, берёт со стола книжку.

— Как называется? — спрашивает.

— Букварь, — отвечает Тимка.

— А про что в нём?

— Как про что? Про всё.

— Ну-ка, почитай. Можешь?

— Могу, — солидно отвечает Тимка и раскрывает букварь.

Читает он, правда, по складам и не очень твёрдо. Но дед

ведь и так не умеет, он же неграмотный. И мамка неграмотная. Один папка во всей семье умел читать, но папку убили на фронте белые. И теперь нету в семье грамотных, кроме Тимки. Да что там в семье! Грамотеи на всю деревню

лишь Тимкины сверстники, учитель Викентий Андреевич да ещё поп отец Григорий.

Шевелит губами Тимка, читает.

А дед глядит в букварь с завистью: «Скажи на милость! И человек-то весь с воробья, а вяжет из книжной ряби настоящие слова. Вяжет, шельмец! А мне вот не связать, хоть и старый и не чета ему. Что на стенку гляжу, что в книгу — одна немота...»

— Слышь, Тимофей! — шепчет дед Спиридон. — Скажи по совести: мудрёная штука грамота?

— А ты думал? — отвечает Тимка. — Это тебе не на дудке играть. Тут одних букв числом тридцать две да ещё разных цифр без счёту.

Дед Спиридон сердится, но виду не подаёт. Ровным голосом спрашивает:

— А не мог бы ты, Тимоша, мне свою грамоту передать?

— Как это передать?

— Ну, одним словом, научить читать и писать...

Тимка помолчал, потом ответил:

— Так я ж не учитель. Викентий Андреевич много зим, поди, учился, вот он и может. А я сам первую зиму...

— Ну и что ж, что первую? — перебил дед Спиридон. — Мне бы только читать да писать...

Тимка ещё подумал:

— Читать и писать — это могу. А на что тебе, дедушка, грамота сдалась? Весь век прожил без грамоты, а сейчас загорелось. Ты уж старый со-

всем, тебе же помирать скоро. Ну, был бы ещё молодой...

Дед Спиридон кипит, но пока ещё сдерживается.

— Был молодой, — отвечает негромко. — Вот такой к примеру, как ты сейчас. Так разве до ученья было?

Тимка глядит на деда. Седая голова. Седая борода. Сутулые, вислые плечи. Растоптанные лыковые лапти на ногах. А руки чёрные, жилистые, перевидавшие всякой работы руки.

— Ладно, — говорит Тимка. — Сиди тихо. Сегодня растолкую тебе вот эту букву, — тычет он пальцем в букварь, — «А» называется.

— «А», — повторяет дед Спиридон. — Погоди-ка, оно ведь, это «А», в аккурат похоже на стропила, которые стреху держат? Два стропила да перекладина для крепости — вот тебе и «А».

Каждую букву дед Спиридон старался привязать к чему-то знакомому, чтобы легче запомнить. «О» у него — колёсный обод, «Ж» — колесо, только с неполным набором спиц. А буква «Н» — два кола, вбитые в землю и схваченные перевязью, вроде как бы под городьбу.

Ученье деду Спиридону давалось трудно. Тимка часто покрикивал на своего ученика, случалось — срамил его, называл бестолковым. Дед Спиридон терпел.

Особенно мучились с письмом. Пальцы у деда заскорузлые, скрюченные. Топор в них как влитой сидит, рубанок или

там долото — тоже, а вот карандаш всё время вываливается. Или грифель лопнет. Или вдруг дыра в бумаге. А бумага-то — на вес золота. Ведь это для Тимки мать принесла из города две тетради в клетку — выменяла на два десятка яиц. Теперь же получается, что тетради на двоих.

Но, если по правде, так дело даже и не в тетрадях. Тимка досадует, что сгоряча согласился учить деда грамоте. Сиди теперь с ним и не разогнись! Ни на санках с горы, ни в снежки с ребятами. Бабу и ту слепить некогда.

— Сил нет! — горячится Тимка. — Сроду не встречал таких бестолковых... У нас в классе есть Пахом — большой, с учителя ростом. А тупой, как пень. Но Пахом, пожалуй, посмышлёнее тебя... Знаешь, дед, ни черта у нас с писанием не выходит. Только бумагу зря переводим. Тетради-то не дарёные... Я тебя лучше читать выучу. Ладно?

— Нет, Тимоша, самое разнужнейшее дело мне как раз писать. Беспременно надо выучиться. А про бумагу — это ты резонно. Тетрадь — она действительно... её негде взять...

— Разнужнейшее! — дразнит Тимка. — А что ты будешь писать? Ну, что?

Дед сердится, хмурит брови.

— Репей! — ворчит он. — Прицепится — не оторвать.... Письмо хочу написать! Уразумел? Всё ему растолкуй...

Тимка удивлён. Дед соби-

рается написать письмо! Чудеса! Вся его родня здесь же, в деревне, тут можно и без письма что угодно обговорить. Да и родни-то всего ничего: две Тимкиных тётки с мужьями да с сопливыми ребятами.

— А кому письмо? — допытывается Тимка.

— Мало ли кому...

— Ну, хочешь, я за тебя? — с готовностью предлагает Тимка. — Мигом все твои поклонны пропишу...

— Нет! — сурово осаживает дед. — Зелен ты ещё это письмо писать! Зелен, как гороховый стручок. Думаешь, ты уже все науки превзошёл?

Тимка понял, что зарвался, что не гоже так разговаривать с дедом.

— А об чём, дедушка, письмо? — почтительно спросил он.

— Известно об чём, об жизни, — смягчился дед Спиридон. — Мне, понимаешь, у того человека многое узнать надо. Ну и кое-что порассказать ему от себя. Одним словом, посоветовать...

На следующий день Тимка припозднился из школы. По дороге он сочинил кое-какое оправдание для себя, но вошёл всё-таки с опаской.

Тимке повезло: матери не оказалось дома, а деду было и вовсе не до него. Дед, склонившись над лавкой, стругал рубанком сухую еловую доску, устилая пол завитками стружек.

— Это что же такое будет? — поинтересовался Тимка, любуясь работой. Сквозь колодку рубанка одна за другой

завивались ленты стружек, тонкие и прозрачные.

Дед распрямил спину, потрогал обкуренным пальцем горячее острие рубанка и полез в карман за кисетом. Он неторопливо раскурил свою трубку, провёл ладонью по обструганной доске, пробуя её на ощупь, а потом уж ответил:

— Это будет тетрадь. Ты давеча справедливо попрекал насчет бумаги.

— Тетрадь? — удивился Тимка. — Это ж деревянная доска...

— Правильно. А твои те-

тради, думаешь, не деревянные?

«Верно! — вспомнил Тимка. — Учитель рассказывал, что бумагу делают из еловой древесины, а ещё из тряпья. Неужели у деда из этой доски бумага получится? Интересно!»

Больше он вопросов не задавал, а внимательно следил за еловой доской и за дедом Спиридоном, который делал бумагу.

Дед перевернул доску неоструганной стороной наружу. Шершавая и занозистая, она на глазах превращалась в чистенькую и звонкую. Потом он лёгким ударом обуха перестроил рубанок, проверил его прищурив глаз и прошёл вчистую.

— Вот и готово! — объявил дед. — Чем не тетрадь? Пиши на одной стороне, потом на другой... Ого-го, сколько у нас бумаги стало! А надо стереть — пожалуйста: пройдуся рубанком, и опять новенькая тетрадь.

Тимка ничего не сказал. Он только надул губы, а про себя подумал: «Погоди, старый, я тебе эту «бумагу» за букварём припомню!»

Тимкина мать не одобряла дедова ученья. Часто она ворчала:

— Старый, а как малое дитя! Ну, на чёрта она тебе сдалась, эта грамота? Не зря люди смеются: чудит, мол, старик...

Дед Спиридон всё терпел, отшучивался, а однажды вскипел:

— Помолчи-ка, Прасковья, если не можешь своим бабьим умом понять, что к чему, — возвысил он голос на дочь. — Бубнишь, а того не ведаешь... Да что с тобой, тёмной, толковать! — махнул рукой дед Спиридон.

Ученье пошло дальше своим чередом. По вечерам старый и малый гнутся над общим букварём, скупо освещённым трёхлинейной керосиновой лампой с закоптелым стеклом. Тимкина мать молча поглядывает с печи, усмехается. Да и как не усмехаться, если шустрый, белобрысый Тимка вгоняет деда в пот: ершится перед ним, покрикивает. А дед терпит. Кряхтит, но терпит. Ведь Тимка, хоть и недомерок

против старого Спиридона, но он — учитель!

Незадолго до пасхи дед взял наконец важный рубеж в ученье: одолел свою фамилию. Пусть криво, пусть косо, но довольно чётко он написал на своей еловой тетради: «Колесов».

Тимка критически осмотрел дедову работу и заявил:

— А что? Может, из тебя и выйдет какой толк... Куда Пахому до тебя! Он так и не научился ещё расписываться. Глядишь, к духову дню уж и имя своё напишешь...

Настал праздничный духов день. Весна! Звонарь на церковной колокольне старается.

«Бау! Бау!» — гудит большой колокол.

«Тили-тили-бом! Тили-тили-бом!» — вторят малые колокола.

Но не радостно в доме Колесовых: захворал дед Спиридон. Лежит на лавке худой, глаза ввалились. Лежит и молчит, ни на что не жалуется. Его уж и бабушка Захариха врачевала своими травами, и в бане он парился. Не помогло! Как видно, отходил своё по земле старый Спиридон.

Глядит Тимка на деда, на его большие, чёрные руки, и, непрошенные, набегают на глаза слёзы: жалко деда. Теперь Тимке почему-то вспомнилось, что не всегда он был справедливым и уважителен к деду: обманывал сколько раз, незаслуженно стыдил и, что греха таить, частенько отлынивал от занятий.

— Тимофей! Подойди-ка, —

шевелил косматыми бровями дед Спиридон.

Тимка подошёл.

— Слушай! Мой срок пришёл. Тебе за хозяина быть, потому как мужик в доме за- всегда хозяин. Мать не обижай. Женщина она, хоть и тёмная, но работающая и в крестьянском деле понимает. Одного не поняла — пользы науки... Мне вот наука не далась. Зато ты достигнешь. Правда?

У Тимки брызнули из глаз слезы.

— Дедушка! Ты ж ещё встанешь... Мы ещё с тобой арифметику...

— Не перебивай! Моя арифметика известная. А тебе, Тимофей, от меня поклон за то, что хоть на старости глаза раскрыл на грамоту. Всё ж таки я теперь не совсем слепой...

На поминки по деду Спиридону собралась чуть не вся деревня. Мужики поминали покойного добрыми, уважительными словами. А старый Афанас даже прослезился.

— Золотой слиток был, а не дед! — заключил он. — И по плотничному делу, и по столярному, и по кузнечному... А уж землю понимал! И что удивительно: секретов при себе не держал, с каждым делился. Одним словом, крестьянский радатель. Будь он грамотный, не сыскать бы нам лучшего председателя в волостном исполкоме.

Когда люди разошлись, мать пошарила на божнице и подала Тимке сложенный листок бумаги:

— Погляди-ка. Это дед что-то писал...

Тимка развернул листок.

«Дорогой ты наш и глубокоуважаемый товарищ Ленин», — было выведено не- твёрдой дедовой рукой.

Так вот для чего деду Спиридону понадобилась грамота!

«Глу - бо - ко - у - ва - жа - е - мый», — перечитал Тимка по складам и даже удивился, что у деда нашлось такое мудрёное слово. А Тимка-то по глупости предлагал сам написать это письмо!

«Не успел дедушка! — с грустью подумал Тимка. — Интересно, что он хотел разузнать у товарища Ленина и что хотел рассказать от себя?»

Но этого Тимка не знает. И теперь уж никогда не узнает. Наверно, что-то про свою деревню. А что? Тимка досадует: знать бы, что так получится, он успел бы выучить дедушку Спиридона и тот успел бы написать своё письмо!

Но может, люди знают? Быть не должно, чтобы дед Спиридон так никому и не сказал про письмо.

Тимка схватил листок, прибежал к учителю:

— Викентий Андреевич, поглядите!

Нет, учитель ничего не знал.

— О разном говорили мы с твоим дедом, — пожал он плечами, припоминая, — но чтоб про письмо к товарищу Ленину? Нет, не было такого разговора. Может, с кем другим об этом он толковал.

По деревне разнеслось: по-

койный дед Спиридон самому Ленину письмо написал!

И сразу нашлись любопытные. Валом повалили в избу Колесовых. У каждого своё на уме.

— Не про меня ли в письме? — осведомилась солдатская вдова тётка Фёкла. — Когда пала у меня лошадь, Спиридон крепко принял к сердцу мою беду...

— Так уж и про тебя! — осадил Фёклу однорукий Мирон Ступин. — Лошадь ещё полбеды. А я вот на хозяйской молотье подал в машину руку. Это как? Причитается мне получить с Евграфа за увечье или пропадать?

— Что ж тебе причитается? — выступил вперед бородастый, степенный Евграф, тоже оказавшийся тут. — Ты, милоч,

по неосторожности, а я-то при чём?

— Ты завсегда ни при чём, мироед! — вскипел однорукий Мирон. — А чью пшеницу молотили?..

Спору помешал старый Афанас.

— Здорово живёте! — распахнул он дверь. — Болтают про какое-то письмо. Дай, думаю, зайду — узнаю, правда ли.

— Правда, — кивнула Тимкина мать.

— Самому Ленину?

— Так получается. Но вот не знаем, про что покойный тятя хотел написать. Начал письмо, да и помер.

— Не знаешь? Ну так я тебе скажу. Как-никак, покойный Спиридон дружком мне доводился.

Афанас сел на лавку, снял

картуз, прикинул в уме, как бы половчее начать. Потом сказал коротко:

— Про коня письмо!

— Про коня? — удивилась Тимкина мать. — Про Фёклину, что ли, кобылу?

Афанас не ожидал такого оборота дела. Он почесал за ухом, соображая.

— Про кобылу, говоришь? Что ж, вполне может быть, что и про Фёклину беду хотел об-сказать в письме Спиридон. Но мне-то доподлинно известно другое. Мы ещё тогда с ним поспорили. Сказать по правде, мы с покойничком часто спорили: у него характер, и у меня характер!

Прослышал где-то Спиридон про трактор. Вот это, хвалит, вещь! Четыре плуга тащит — четырёх коней заменяет. Весь железный! Этот, мол, не пристанет в борозде. Идёт ходко, не чета живому коню.

А я про коня, считай, всю жизнь только и мечтаю. Даже во сне он мне через ночь снится. И не какой-нибудь железный, а живой. Справного-то коня у меня сроду не было. И такая меня обида взяла на Спиридона. «Ты что, старый, сдурел? — говорю. — Разве ж тебе не любо войти в хлев, погладить своего Савраску или Пегашку? Он к тебе мордой

потянется, поставит уши — любо-дорого!..»

А Спиридон: «На чёрта они сдались, те уши, если у нас от веку кормов нехватка! Или тебе любо, как он с голодухи ржёт?»

Заспорили. Спиридон горячится, а я и того пуще. И никак нам друг друга не переспорить. Вдруг меня осенило.

«Он же, — говорю, — твой железный, не может... того... Ну, одним словом, где от трактора навоз? А в крестьянстве без навоза — это же, считай, без хлеба!»

Задумался Спиридон, молчит. И сдаваться ему не хочется, и меня никак не победить. Это, говорит, вопрос сурьезный. Это я бесприменно выясню.

Вот и подумалось мне: об чём же ещё Спиридону спросить у товарища Ленина, как не об нашем споре? Оно только со стороны вроде бы и пустяк, а если в сердцевину глянуть...

Тимка сидел в углу, прямо на полу, плёл из свежей лозы корзинку. Он, конечно, помалкивал, но слушал внимательно. В деревне-то, оказывается, вон сколько разных разностей! Теперь ясно, о чём хотел написать дед Спиридон. Жалко, не успел он. А всё из-за Тимки! Выходит, и тётке Фёкле теперь без коня быть, и насчёт трактора такая неясность...

* **ЛЕОНИД** Мартынович Агеев очень удивился, услышав нашу просьбу написать стихи для «Искорки».

— Я никогда не писал для ребят. Даже не знаю, как это делается... У меня есть новые стихи, но они, очевидно, очень «взрослые»...

Прочитали мы эти «взрослые» стихи, и показалось нам, что напрасно поэт «не доверяет» ребятам, зря боится, что они его не поймут.

Пишет Леонид Агеев образно и чётко, простым и в то же время очень поэтичным

языком, мысль автора ясна в каждом стихотворении. Что же тут непонятного?

Работая геологом-разведчиком, поэт немало походил, поездил, побывал в Казахстане и Уссурийской тайге, в Прикамье и на Урале. Но не спешите сделать вывод, что раз поэт геологоразведчик, то в стихах у него сплошные маршруты, костры, палатки, звёзды, болота... Нет, не только костры и палатки. В стихах Леонида Агеева прежде всего наша страна: просторы, встречи, наблюдения, раздумья. И — наши люди. Написать о них гораздо труднее, чем о привычных кострах и, столь часто повторяющихся в стихах и песнях последних лет, дорогах, дорогах, дорогах... Труднее и интереснее.

Кто захочет познакомиться с творчеством Л. Агеева пошире, может прочесть его книги «Земля» и «Лица встречных».

— Когда вы начали писать стихи? — спросили мы поэта.

— В школе, — ответил он. — В шестом классе. Когда стали проходить Пушкина. Вот у кого замечательные стихи!

Леонид Агеев

Рисунки В. Адаева

Старики и сад

Посмотрите: греют кости
на скамейках старики,
в кулаках у них не трости —
алые клинки.

Ничего не слышит город...

А кругом пальба,
пальба.

Кровью раненого горла
задыхается труба.

Посмотрите: греют кости
и, как статуи,

молчат.

А в руках у них не трости —
черенки лопат.

Ничего не слышит город...

А кругом и гул, и стон,

поперек речного горла
глухо падает бетон.

Ровно,

ровно дышит город...

Старики сидят и спят.

А над ними годы,

годы —

Всё летят, летят...

Детство

Детство...

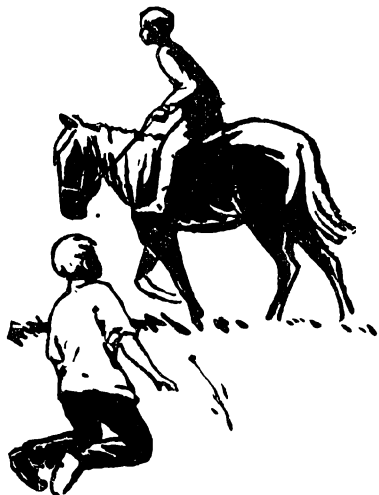
В лавке керосинной
Я простаивал часами.
Человек — худой и длинный,
с командирскими усами
шмыгал носом, наполняя
оплетённые бутылки,
брал монеты, напевая...
Покупатели спешили.
Я — обняв бутылку — в сторонку,
я опять — глядеть на полки:
на слонов и на солонку,
на авоськи и кошёлки,
на лопаты, на мотыги,
поварёшки, ложки, вилки...
А кубы цветной мастики!
А пузатые копилки...
Самовар на низких лапах!
Чайник белый! Чайник синий!
И над всем владычил запах —
дивный запах керосинный.
Полонял воображенье,

обретал живые крылья.
Мыслей раннее брожение.
Далей первое открытье.
Что бы рядом ни творилось —
я глухой, мне дела нет...
А у бабки гаснет примус.
пропадает наш обед...

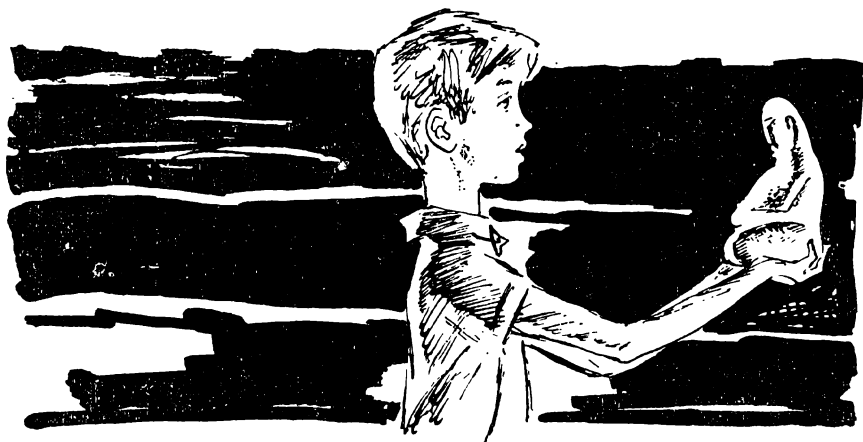
Человеческий подход

Верно, есть в любом колхозе
лошадёнка-тихоход...
То она солому возит,
то дрова она везёт.
Председатель запрягает,
если «газик» легковой,
растеряв десяток гаек,
ждёт ремонта в мастерской.
...Как-то велено мне было
лошадь в речке искупать.
В первый раз взнуздать кобылу

шёл я — словно поиграть...
Вроде пони — низкоросла,
хвост в репях и грязи...
Рассуждал я очень просто:
если лошадь — так вози!
Ноги спутаны верёвкой...
Только вдруг, скакнув вперёд,
извернулась лошадь ловко,
и копыто — мне в живот!
Я упал в траву густую,
я кривил от боли рот,
проклинал напропалую
лошадиный подлый род...
Подошёл помочь приятель,
не спеша уздечку взял,
шею лошади погладил,
ухо нежно почесал,
крошки хлеба из кармана
на ладони протянул,
и, не мешкая нимало,
морду обнял и пригнул...
Повезла его лошадка
к затуманенной реке,
и везла весёлым шагом —
словно вовсе налегке.
На неё ни зла, ни злобы
не таил я наперёд...
Всюду нужен свой, особый,
человеческий подход...

Идол из старого сундука

ГЕРОЙ НА БЫКЕ

Навстречу, понунив голову, шагала лошадь, таща нагруженный сеном воз. Рядом с вожжами в руках шёл дядя Петя, кузнец, огромного роста человек в выгоревшей гимнастёрке без ремня.

Поравнявшись с Тимом, лошадь быстро-быстро закивала головой, а дядя Петя перешёл на строевой шаг и отдал Тиму честь как какому-нибудь генералу. Витька тоже приложил ладонь к своей длинной голове и от усердия глаза вытаращил.

— Это, как его?.. вольно, — сказал Тим. Кузнец опустил руку, лошадь перестала кивать, а Еловая Шишка ещё долго держал ладонь у «пустой» головы.

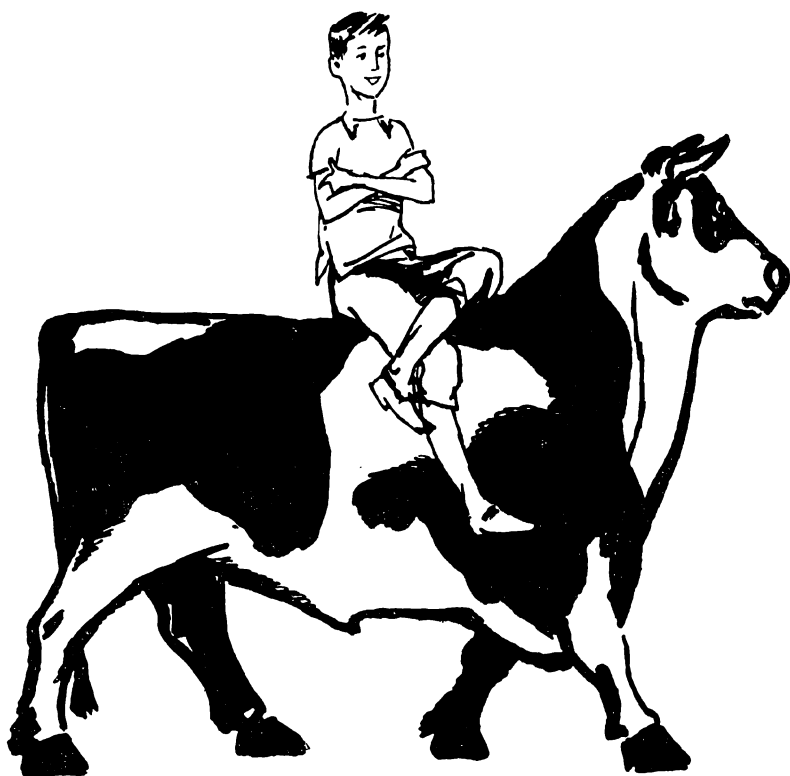
— Кто же я? — спросил Тим.

— Генерал, — без запинки ответил Витька.

Тим удивился: он и сам про себя только что подумал, что он почти генерал. Это когда кузнец руку приложил к виску. Тиму захотелось, чтобы ещё кто-нибудь приветствовал его. Чтобы все, кто ни шёл мимо, все приветствовали его как командующего парадом.

Из переулка выбежала старушка с кошёлкой в руках. Она что есть духу мчалась навстречу. И вдруг бег её замедлился, старушка перешла на строевой шаг и, прижав кошёлку к боку, взяла под козырёк. Это так говорится, на самом деле она смешно приставила руку к платку и, шлёпая туфлями по пыли, прошагала мимо мальчишек.

Окончание. Начало в «Искорке» № 5 за 1966 г.

У Тима открылся рот: это была его бабушка! Как же это он её не узнал? Неудобно стало Тиму, бабушка могла бы и не приветствовать его. Она всё-таки старая. Тим посмотрел ей вслед и пожелал, чтобы она больше не бежала.

Бабушка сразу остановилась, присела на скамейку у высокой берёзы. Нелегко ей, старой, бежать по улице под дудку своего внука...

Идёт Тим по улице и думает, что бы ещё этакое сообразить.

Вдали послышалось грозное мычание: колхозный бык! Он всех заблаговременно предупреждал о своём появлении. Быка в деревне боялись все. С быком плохи шутки: подцепит на рога и перебросит через забор. Тим, забыв, что он Мо-

гущественный человек, стал оглядываться: где подходящая калитка, в которую можно юркнуть...

И тут он увидел девочку Нелю. Она вышла из дома с белой кружкой, полной шершавого крыжовника. Тим сразу вспомнил, кто он теперь такой, и сурово уставился на быка. «Сейчас же подойди ко мне и нагнись!»

И грозный бык, осторожно ставя копыта в пыль, приблизился к Тиму и, подломив передние ноги, нагнулся. Его широкие вывернутые ноздри касались земли.

Тим, которому очень хотелось удивить Нелю, взобрался на быка и проехал на нём вдоль всей улицы.

У девочки Нели глаза стали

огромными. Весь вид её говорил о крайнем изумлении и восторге. Как будто она не Тима увидела, а знаменитого киноактёра. Она приблизилась к Тиму, который сидел на быке, и, присев на одну ногу, как балерина на сцене, певуче произнесла:

— Я до глубины души восхищена вами... — и протянула кружку с крыжовником.

Голос у Нели звонкий, будто она отвечает у школьной доски урок. И слова какие-то чужие, из книжки, что ли?

— Называй меня на «ты», — сказал Тим.

Но девочка заученно продолжала:

— Вы с первого взгляда поразили моё воображение... Я всю жизнь мечтала встретить такого отважного рыцаря... Отныне моё сердце принадлежит только вам, мой храбрый рыцарь!

«Вот шпарит! — подумал Тим. — Как стихотворение...»

— Это я рыцарь? — спросил он.

— Вы победили этого страшного зверя...

— Это бык, — сказал Тим.

— Вы мой герой...

— Ты — Тимофей Бычье Сердце, — сказал Еловая Шишка.

Тим сидел на смирном быке и раздумывал: «Всё это очень здорово — и бык, и девочка Неля... Все его слушаются, но почему ему от всего этого как-то не по себе? И слова, которые говорят Неля и Еловая Шишка, Тим когда-то сам чи-

тал в какой-то книжке... Со всем недавно он прочитал книжку Вальтера Скотта «Айвенго». Там был Ричард Львиное Сердце, а он, Тим, вот стал Тимофей Бычье Сердце... Откуда, спрашивается, выкопал это название Витька Мухин? Он за всю жизнь не прочитал и двух книжек...»

Оказывается, стоит получить власть — и любые твои, даже самые пустячные, поступки воспринимаются, как героические подвиги...

Тиму пришла в голову мысль: пусть всё на одну минуту будет так, словно у него, Тима, нет никакой власти...

И произошло такое... Бык нагнул рогатую голову и заревел, как паровоз. Девочка Неля с визгом метнулась к своей калитке. Еловая Шишка полез на берёзу.

Бык взбрыкнул задом, Тим едва удержался на нём. Потом бык стал фыркать и землю рыть копытами. Быку не нравилось, что на нём кто-то сидит. Внезапно сорвавшись с места, он галопом помчался по улице и вдруг так же неожиданно встал как вкопанный. Тим, вскрикнув, перелетел через рогатую голову и шлёпнулся в дорожную пыль... А бык, выставив страшные рога, пошёл на него...

Тим от страха и глаза закрыл. Он ждал удара, но ничего не произошло. Когда он открыл глаза, то увидел, что бык в покорной позе стоит перед ним, подломив передние ноги. Из правления снова идёт делегация чествовать Тима, а

Еловая Шишка тут как тут, стоит и в глаза заглядывает...

Прошла ровно одна минута...

У Тима пропала охота ко всяким чудесам. Он потёр ногу, которая ныла от удара о землю, сердито взглянул на быка.

— Пошёл вон! — сказал Тим.

Бык как сквозь землю провалился.

— Как я летел... — сказал Тим.

— Ты космонавт, — заявил Еловая Шишка.

МЕСТЬ

Лёха Свистун, мурлыча что-то под нос, обстрегивал острым ножиком палку, которая должна была изображать ружьё. Вместо затвора Лёха приколотил к палке оконный шпингалет. Он щёлкал, как настоящий затвор. Лёха спрятал в карман ножик, повертел ружьё в руках. Ничего, похоже на настоящее. Эх, напугать бы кого-нибудь...

Свистун приложил палку к плечу и стал целиться. Сначала он прицелился в камень, потом в курицу...

Тим и Еловая Шишка, спрятавшись за забором, наблюдали за ним.

Вот Лёха щёлкнул шпингалетом и прицелился в большую бочку, что стояла у колодца...

— Пли! — сказал Тим.

Палка оглушительно выстрелила. Огромная бочка разлетелась вдребезги. Вода хлынула на землю. А обалдевший Свистун, выронив дымящееся

ружьё, шлёпнулся в растёкшуюся лужу. Одной рукой он потирал плечо, в которое больно ударило прикладом.

Тим уткнулся носом в траву и захохотал. Надо было видеть Лёхино лицо: рот разинут, круглые кошачьи глаза вытаращены.

Долго сидел обалдевший Свистун в луже и хлопал глазами. Затем поднялся, обошёл коварное ружьё и уселся на опрокинутое ведро. Вид у Лёхи был удручённый. Кто бы мог подумать, что эта палка выпалит? Теперь достанется ему на орехи!

И тут Тиму пришла в голову мысль: пускай до чего ни дотронется Свистун, всё разрушается...

Ведро, на котором сидел Лёха, на глазах сплющилось, и он во второй раз шлёпнулся на землю. Вскочил и стал отряхивать штаны. Материя клочьями полетела на траву. На штанах образовались огромные дыры.

Лёха схватился за голову — в руках остался клочок волос.

— Мама рóдная... — негромко произнёс вконец обескураженный Свистун.

Тим выбрался из укрытия и подошёл к Лёхе, который напоминал застывшую на сцене балерину. Еловая Шишка держался в отдалении. Ему совсем не хотелось, чтобы Свистун до него дотронулся...

— Как жизнь? — спросил Тим.

— Караул... — жалобно сказал Лёха, не двигаясь с места.

— Мы тебя бить пришли, — сказал Тим.

— Куда? — спросил Свистун.

— Что куда?

— Куда бить будешь: в ухо или в лоб?

Тим подумал и сказал:

— В лоб.

Свистун с готовностью подставил свой широкий лоб.

— Бей, — покорно заявил он.

Тим размахнулся... но не ударил. Рука его опустилась. Если бы Лёха сопротивлялся или ругался, то Тим его обязательно стукнул бы. Но Свистун молчал. Он даже глаза прикрыл, дожидаясь удара. Тим не знал, что делать. Вот так просто бить человека, пусть даже такого вредного, как Свистун, было как-то неприятно.

— Паразит ты, — сказал Тим. — Вредитель.

— Ага, — ответил Лёха.

— Одни гадости людям делаешь...

— Это я люблю, — признался Свистун.

— Каких-то блох напустил...

— Я их два часа ловил, — сказал Лёха.

— И не лень?

— Интересно, — сказал Лёха.

Вспомнив про блох, Тим снова рассердился. Он стал размышлять, что бы такое

придумать, чтобы Свистун на всю жизнь запомнил и закаялся делать разные пакости.

— Я буду тебе помогать, — сказал Лёха.

— Помогать? — удивился Тим.

— Ты мне только скажи, кого изничтожить — враз сделаю. Хочешь, кошку за хвост повешу?

— Живодёр, — сказал Тим.

— У тебя есть враги?

— Враги? — Тим задумался. Враг у него только один — Лёха Свистун.

— А что ты сделаешь с моим врагом? — спросил Тим.

— Я ему посажу за пазуху осу и выпущу на него сто штук блох...

— Это идея, — сказал Тим.

Лёха тут же сорвался с места и исчез.

— Для себя старается, — усмехнулся Тим.

— Можно, я тебе руку по-

жму? — расчувствовался Еловая Шишка.

Появился Свистун. В одной руке спичечный коробок, в другой — большая полосатая оса, схваченная за крылья. Тим на всякий случай отошёл подальше и сказал:

— Выпускай!

Лёха завертел головой, отыскивая врагов, но приказ выполнил: осу запихал себе за шиворот и раскрыл коробок. Блохи тучей набросились на него. Свистун вьюном закрутился на месте, ойкнул, — это оса вонзила в него жало, — из глаз покатились слёзы.

— Как самочувствие? — спросил Тим.

— Я больше-е не буду-у... — вырвалось у Свистуна. Он приплясывал и горько плакал.

ЖИЗНЬ КАК В ПУСТЫНЕ

После того как Тим разломал о Витькину голову огромный мухомор, он почувствовал угрызения совести. Ну ладно, Лёха Свистун заслужил того, что получил сегодня. А Еловая Шишка? Подумаешь, крошечным мухомором бросил в Тима. Причем это было, наверное, с неделю назад.

Тим решил с Витей наладить отношения, всё-таки они считаются друзьями.

— Зря я это с мухомором... — сказал Тим. — Прости.

— Если хочешь — плюнь на меня, — сказал Еловая Шишка. — Мне будет очень приятно.

— Послушай, я серьёзно...

— Забирайся ко мне на спину, я тебя понесу, — сказал Витька и пригнулся.

— Я с тобой по-человечески...

— Да здравствует Тим! — воскликнул Витька.

Тим хотел уже было послать Еловую Шишку куда-нибудь подальше, чтобы глаза его больше не видели, но вспомнил, что тогда он останется совсем один. И он просто-напросто отвернулся от приятеля, потому что смотреть на него было противно. Был человек как человек, а стал подхалимом, каких ещё свет не видел. Плюнь, говорит, на меня... Вон до чего докатился!

Тиму стало совсем скучно. Ему не захотелось больше ни с кем встречаться. И пусть никто его за генерала или... этого... фельдмаршала не принимает. И честь ему не надо отдавать. Обойдётся без чести!

Увидев лошадь, которая тащила огромный воз с сеном, и кузнеца дядю Петю, Тим пригнулся и бросился в огород. Еловая Шишка — за ним. Не хватало ещё, чтобы дядя Петя и лошадь попадали на колени, увидев его, Тима.

Назад мальчишки возвращались огородами. Тим озирался по сторонам, ему не хотелось нарваться на кого-нибудь. Все падают или кланяются. И люди и животные. И поговорить не с кем.

Тим думал, что на задворках никого не встретит, но не тут-то было. Едва перелезли через чужой забор, как из дома выскочила тётя Даша.

Увидев мальчиков, тётя Даша расцвела и плавно повела рукой вокруг.

— Воруйте, дорогие мои, яблоки, — сказала она. — Воруйте, не стесняйтесь...

Тим протянул было руку за яблоком, но тут увидел тётю-Дашины глаза. Они были холодные и пустые. И Тим отдернул руку. Он понял, что тётю-Дашиным ртом говорит кто-то другой. Не может она — известная скупердяйка — произнести такие слова.

Тим молча прошёл мимо. Тётя Даша, глядя ему вслед, разгибалась и сгибалась, как заводная кукла.

Наконец Тим добрался до своего дома. Спрятавшись за лопухами, он осмотрелся: бабушки во дворе не видно. Ему не хотелось сейчас с ней встречаться... Вот наступила жизнь! Кругом люди, а ты живёшь, как в пустыне. В пустыне Са-

харе! Некому слова сказать. И не от кого человеческого слова услышать. Приходится прятаться от всех, вот так власть дал ему Великий Идол! Зачем она такая?

Я СЛИШКОМ ДОЛГО ПРОЛЕЖАЛ В ЗЕМЛЕ...

Жёлтые волны света заливают чердак. На буфете жёлто светится Великий Идол. Тихо на чердаке. Тим идёт к буфету, и белый песок не скрипит под его ногами.

— Зачем мне такая власть? — сказал Тим.

Идол смотрит поверх головы Тима и усмехается. Негромко тренькнула паутина. Кто-то попался в неё, но Тиму сейчас не до мух и не до пауков. Он ждёт, что скажет Идол, но тот молчит. Никогда бог Солнца сразу не ответит. Считает ниже своего волшебного достоинства.

— Я хочу, чтобы как всегда...

Идол молчит. И Тиму становится страшно: а что если он больше не скажет ни слова?

— Я дал тебе огромную власть, — произнёс Великий Идол.

— Возьми, пожалуйста, обратно, — попросил Тим.

— Цари ползали передо мной на коленях, вымаливая силу и власть. Они убивали друг друга за право быть Великими и Могущественными. А ты, Маленький человек, отказываешься от этого?

— Так то цари, — сказал Тим.

— Ты можешь быть царём...

— Что я дурак? — сказал Тим.

— Что такое дурак? — спросил Идол.

— Это? Это... то же, что и царь...

— Обладая властью, — продолжал Идол, — ты можешь быть Великий дурак...

— Отдай лучше эту власть кому-нибудь другому, — предложил Тим. — А что если Лёхе? Нет, ему нельзя... Со свету всех сживёт. Такого натворит, что потом за сто лет не исправишь... Уж лучше Еловой Шишке... Нет, он не справится. Караул закричит, уж я-то его знаю. Учится на одних тройки, плавать не умеет. И потом жуткий подхалим... Пускай эта власть у тебя останется. Кому она нужна? Нос стыдно на улицу высунуть. Ни поговорить, ни поиграть... Все становятся какими-то ненормальными. Спрячь ты эту власть подальше куда-нибудь. В дедушкин сундук.

И опять Идол замолк. Надолго. На чердаке — мёртвая тишина. Даже мышь в углу не заскребётся. На оконном стекле примолкла большая жёлтая муха. Сидит, будто приклеенная.

— Пусть всё будет так, как раньше... — наконец вымолвил бог Солнца. — Но сначала скажи, Маленький человек, ты был счастлив?

— Что ты!

— Я, Великий Идол, сделал тебя Могущественнейшим из смертных...

— Людям на глаза стыдно показаться, — сказал Тим.

— Сними меня, — приказал Идол.

Тим вскарабкался на буфет и снял бога Солнца.

— Положи меня в гробницу...

— В гробницу? — удивился Тим. Но потом сообразил, что гробница — это сундук.

Тим отодвинул в сторону тяжёлые кости ископаемых зверей и осторожно опустил в сундук Идола.

— Ну вот, — сказал Тим. — Спи.

— Я слишком долго пролежал в земле... — скрипучим голосом сказал Идол.

ХОЧЕШЬ В ХРАМ?

Тиму стало грустно: всё-таки он полюбил этого жёлтого человечка. И зачем он попросился в сундук? Играл бы с Тимом в какие-нибудь другие игры. Тим научил бы его... А что если Великого Идола взять с собой в город?

— Хочешь я тебя отнесу в большой храм? — спросил Тим. — Ты будешь там жить... вместе с другими идолами. Их там много. А я буду приходить к тебе в гости... И другие люди будут приходить. Только поклоняться тебе они не будут. Этот храм называется музеем. Люди туда приходят на экскурсии. Они будут смотреть на тебя.

— Шархбиртанрх... — услышал Тим глухой скрипучий голос.

— Ты по-русски, — попросил Тим.

— Шархбир...

— Плюнь ты на этот сундук, — сказал Тим. — В музее лучше...

— Рабиндрах...

Жёлтый человечек разучился говорить. Но Тим понял, что он не хочет в храм. Ему хорошо и в сундуке. В старом дедушкином сундуке.

Тиму захотелось сделать что-нибудь приятное Идолу. Он вспомнил, бабушка рассказывала, что раньше богам в церквах ставили свечи... Кажется, у бабушки в кухонном столе лежит одна. Большая, белая. Она её зажигает, когда электричество выключают.

— Я тебе свечку поставлю, — сказал Тим. — Хочешь?

Долго ждал Тим, но Идол ничего не ответил. Он перестал разговаривать и на птичьем языке. Он снова стал немым.

ЗАМОК НА СУНДУКЕ

Когда Идол оказался в сундуке, солнечный свет померк на чердаке. Маленький жёлтый лучик ещё некоторое время выбивался из сундука, но потом и он погас. Стало сумрачно и тревожно. Какой-то глухой шум носился над головой. Тим посмотрел на окно. Оно всё залеплено дождевыми каплями. За его спиной раздался стук. Тим оглянулся: замок снова висел на сундуке, который сам по себе захлопнулся. Тим дёрнул замок — он даже не пошевелился. Холодный, ржавый замок, его и топором не собьёшь.

Когда Тим увидел замок на сундуке, он почувствовал себя снова легко и свободно. Исчезла непонятная тяжесть, которая давила на плечи. У Тима всё время было такое ощущение, будто он весь день таскал на себе тяжёлое бревно и вот наконец его сбросил.

И тишины как не бывало. Глухой шум над головой — это дождь, который барабанит по крыше. Со стекла сорвалась муха, она теперь снова была синяя, и с лёту угодила в паутину. Из тёмной щели выскочил паук и набросился на бедную муху. И паук и муха были самые обыкновенные. И паутина больше не напоминала рыболовную сеть. Песок под ногами снова был жёлтый, а на верёвке висел вывернутый наизнанку полушубок.

Где-то далеко за лесом прогремел гром. Гроза кончается. Слышно, как дождевые струи срываются с крыши вниз. Тре-

шат и хлопают зелёными ушами под брызгами широкие лопухи. Тиму захотелось поскорее покинуть сумрачный чердак и выскочить на улицу, где сейчас полно тёплых пенистых луж. Хорошо промчаться по ним так, чтобы брызги по сторонам!

Закудахтали в сениях курицы. Они всегда в дождь забираются в сени. Зашелестели бабушкины шаги. Мимо дома прогрохотала порожняя телега.

— Опять куда-то запропастился этот негодный мальчишка,— услышал Тим бабушкин голос.

И СНОВА СОЛНЦЕ

Тим вышел на крыльцо и зажмурился: с чердака-то сразу на улицу. Туча прошла, и дождь умолк. Редкие капли ещё срывались с крыши и шлёпались на землю. Бочка была наполнена дождевой водой до самых краёв. В бочке плавал красный кленовый лист. Выглянул из-за облаков солнечный луч. Он осветил мокрую землю, потемневшие доски забора. Из-за соседнего дома прилетела воробьиная стая и опустилась на куст крыжовника. Воробьи стали азартно склёвывать каких-то зелёных букашек. На неотёсанное и ещё влажное от дождя бревно вскочила кошка.

Тим улыбнулся и сказал:

— Кыш!

Никто даже внимания на него не обратил. Лишь кошка открыла один жёлтый глаз и тут же снова закрыла.

— Сколько тебя ждать можно? — услышал Тим сердитый голос. Из-под колодезного навеса вылез Еловая Шишка.

— Пойдём Свистуна бить,— сказал Еловая Шишка.

Теперь Тим глаза вытаращил: Лёха, наверное, до сих пор чешется и горячими слезами обливается. Впрочем, ему так и надо. Тим вспомнил про ружьё и рассмеялся:

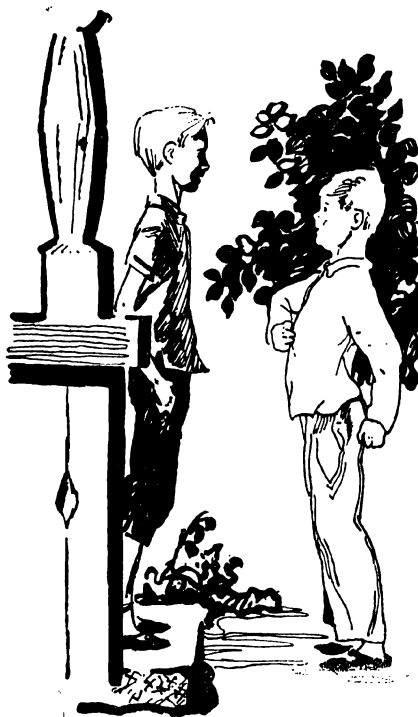
— Как он бабахнул в бочку из ружья!

— Из какого ружья? — удивился Витя.

— А помнишь, как я на быке...

— Какой бык?

Тим наконец сообразил, что Еловая Шишка ничего не помнит, а то бы сейчас сквозь землю со стыда провалился. Только и делал, что поддаки-

вал да в рот заглядывал. И глупости разные говорил, под-халим несчастный! Хорошо ещё, что Тим всерьёз это не принимал...

Всё-таки Тим ещё раз его спросил:

— А кто из нас самый умный?

— Конечно я, — не задумываясь, ответил Еловая Шишка.

— А кто самый сильный?

Еловая Шишка напрягся, выпятил живот.

— Бей кулаком, — сказал он. — Пресс, что железо... Бей!

Тим не стал бить. Обыкновенный пресс у Витьки, хоть он каждое утро сгибается и разгибается по двадцать раз. У него, у Тима, пресс ничуть не хуже. Пожалуй, хорошо, что Витька ничего не помнит, а то с ним после того, что было, и дружить противно.

Это здорово, что Еловая Шишка стал нормальным человеком. С ним можно разговаривать, не то что тогда...

ПРОЩАЙ, ДЕРЕВНЯ!

Тим сидел на подоконнике, а бабушка складывала в чемодан его вещи. Из города пришла телеграмма: папа и мама ждут Тима. Через час отходит поезд.

Листья с клёна почти все облетели. Остались только на самой макушке. Штук пятнадцать, не больше. На голой ветке сидит синица и смотрит на Тима. Синица здесь останется, ей в городе делать нечего. Пёс-блохоносец Тобик

остановился у калитки, шлёпнулся на тропинку и, задрала лапу, стал с ожесточением гонять блох. Не всех переловил Свистун, ещё, видно, много осталось.

Тиму очень хорошо жилось в деревне и, хотя он скучал по родителям, грустно было уезжать отсюда. Тим уже попрощался с Витей Еловой Шишкой. Сегодня утром пришёл к нему и Лёха Свистун. После того как ребята наломали ему бока, он перестал к ним приставать. А Витька молодец! Как и обещал, первый налетел на Свистуна. Конечно, Лёха с ним свободно бы справился, но тут в дело вступил Тим. Пришлось Свистуну пощады просить. Хотели ребята заставить его землю есть, но потом раздумали... И так хватит с него.

Так вот утром появился Свистун. Серьёзный такой, в чистой рубашке, волосы причёсаны.

— В город? — спросил он.

— Ага, — ответил Тим.

— Думаешь, в городе мало дураков?

— Не считал, — ответил Тим.

— Разве сосчитаешь... — сказал Лёха. Достал из кармана спичечный коробок, протянул Тиму. Тот спрятал руку за спину. Хватит этих спичечных коробков, чего только из них не выскакивало: и блохи, и осы, и муравьи...

— Бери, бери, — сказал Свистун.

И Тим взял. Будь что будет. Не взорвётся ведь в кармане?

— Откроешь в поезде, — предупредил Лёха. Пожал руку и степенно удалился. Когда он скрылся за углом, Тим не утерпел и приоткрыл коробок: там смиренно сидел великолепный жук-носорог. Тим всё лето мечтал поймать такого для школьного гербария...

Ещё утром Тим хотел навеститься к Идолу. Попрощаться. Но бабушка не спускала с Тима глаз. И строго-настрого запретила забираться на чердак.

Тим смотрит на часы: до прибытия поезда сорок пять минут. Станция близко. Можно за десять минут дойти. Но бабушка всегда боится опоздать и на полчаса раньше выходит. Тим посмотрел на бабушку. Она укладывала в плетёную корзинку куриные яйца. А чтобы не разбились, каждое заворачивала в бумажку.

Тим тихонько встаёт и идёт к двери. Бабушка поднимает голову.

— Скоро на станцию, — говорит она.

— Я сейчас, — говорит Тим и выходит в сени.

По шаткой лестнице забегается на чердак. Сумрачно здесь и прохладно. Под самую крышу возвышается старый изъеденный жучком буфет. Это на нём стоял Великий Идол. Из круглого окошка падает свет на сундук. На выпуклой крышке непонятные

знаки. А под крышкой спит жёлтый человечек. И огромный замок охраняет его сон. Когда теперь он снова пробудится, бог Солнца?

Тим прикладывает ухо к сундуку, но ничего не слышит. Замолчал Идол. Неужели навсегда? Хорошо бы с ним сейчас поговорить. И зря он отказался с Тимом в город ехать. Жил бы в музее. За Идолами там ухаживают, пыль с них стирают и всё такое. Тим тоже приходил бы в музей и разговаривал со своим Идолом... Он бы у него больше ничего не просил. В городе есть и яблоки и груши. В городе всё есть. Даже Великие Идолы. Конечно, Тим может в любое время прийти в музей и смотреть на идолов сколько захочет, но ему хочется смотреть на этого Идола, на своего...

Тим гладит рукой крышку старого сундука. Крышка тоже прохладная.

— Я приеду, — говорит Тим. — Летом. Это хорошо, что каждый год бывает снова лето...

Сундук молчит.

В чердачное окно видна дорога. Большое белое облако, похожее на перевёрнутую черепаху, выползло из-за леса. Издалека донёсся протяжный паровозный гудок.

Джерри Маллиган

Ох, упала кепка Джерри
В котелок с моей ухой!
Он её надел у двери
И сказал мне: — Ой-ё-ёй!
Нет вкуснее, нет сытнее,
Лучше нет ухи твоей!

— Что с твоею шеей, Джерри?
— Рыбьи головы на ней!
Три ерша, четыре краба,
Пять малюток-черепах,
Шесть рыбёшек, просто крошек,
На носу и в волосах!

— Ерунда! — мой друг добавил,
Руку мне потряс: — Пока! —
И как будто в ней оставил
Тонну мокрого песка!

Нет ухи вкусней и лучше,
Прав ты, Джерри Маллиган:
Можно есть её и слушать,
Как ревёт в ней океан!

Даже триста великанов
Не съедят ухи моей,
В ней вода всех океанов,
Всех озёр и всех морей!

Приходи к нам, Джерри, снова,
Гостем будешь — так и знай,
Приходи к нам, Джерри, снова
Только кепку не роняй!

Перевел с английского
Е. РУЖЕНЦЕВ

Рис. Г. Ясинского

Ястреб

На дне большой плетёной корзины ёрзали из стороны в сторону и крошились несколько сыроежек и два рыжика. Грибы не попадались, и Валерка напрямик, через ельник, стал пробираться к вырубке.

Сухие сучья плотно стоящих сизых елей цеплялись за корзину и мешали идти. Ноги чуть скользили по опавшим иголкам и слегка погружались в их слежалый шуршащий покров. В ельнике сумрачно и душно. Валерка вобрал голову в воротник рубахи, протиснулся сквозь заслон еловых лап и выпрямился, зажмурившись от яркого света.

Над ним было высокое небо с редкими облаками, впереди — залитый солнцем пригорок старой вырубки, а сзади — ровная вдоль края лесосеки густо-зелёная стена леса.

Валерка пошёл по вырубке, осматривая пни, около которых на солнцепёке уже начала краснеть брусника. Выбрал самый большой пенёк и залез на него. Посмотрел на обломки грибов в корзине, на пучок увядших, истерзанных незабудок с прилипшими к их

листьям кусочками сыроежек, поддел ручку корзины носком сапога и подбросил её вверх.

Корзина сделала сальто и мягко упала на сухой мох. Обломки грибов высыпались, а несколько незабудок остались на дне корзины среди белых крапинок разбитых грибов.

Валерка высоко подпрыгнул, взмахнул руками и ловко приземлился рядом с корзиной. Собрал в букетик помятые цветы. Стебельки их обмякли, повисли веером вокруг кулака. Голубые звёздочки померкли и съжились.

«Зря рвал», — подумал Валерка.

От земли шло тепло. Воздух, нагретый солнцем, чуть заметно дышал, поднимаясь вверх дрожащим маревом. Было тихо, только поодаль, неизвестно отчего, шелестел молодой осинник. По земле скользнула тень.

Тяжело взмахивая крыльями, полого набирая высоту, чуть в стороне от Валерки поднимался огромный коричневый ястреб, размеренно и величаво отталкиваясь от плотного воздуха широкими упругими крыльями.

В силуэте ястреба было что-то необычное.

«Лапы!» — изумился Валерка. В лапах у ястреба была мышь. Плотно обхватив железными когтями мягкое тело зверька, ястреб уносил его за кромку леса.

— Ах ты гадина! — Валерка схватил какую-то коряжину и что есть силы бросил в ястреба. Но сучок, не долетев

и четверти расстояния до птицы, беззвучно упал в траву.

«Нет ружья, — ничего не сделаешь», — огорчился Валерка и с тоской посмотрел в сторону высоченных елей, куда скрылся ястреб.

Потом стал собирать и горсточками бросать в рот зелёные хрусткие ягодины брусники. С удовольствием давил их крепкими зубами, по рту разливалась приятная кислотность.

«Ну конечно же, — рассуждал про себя Валерка, — в поле около скирд полным-полно мышей, поэтому там ястреба чаще всего и кружат. Сколько же ему надо мышей? Наверное, много... А что, если бы завести ястреба вместо кошки? Пусть себе ловит мышей в доме. Всех повыловит». Он представил себе, как на шка-

фу сидит ястреб и смотрит в угол, где шуршит мышь, а потом летит по комнате, когтями вперёд, хватая её, тыпает клювом по голове, — и всё в порядке. Ведь от мышей только вред один.

Валерка заулыбался, что так здорово придумал, поднял голову. Над вырубкой снова появился ястреб. Он был высоко и кружил, плавно взмахивая крыльями. Ястреб махал ими реже и реже. Потом долго парил, поднимаясь всё выше.

Когда ястреб зависал над землёй, неподвижно и чудесно, Валерка угадывал упругие, чуть заметные движения сильных крыльев. Казалось, что ястреб играет с воздушными струями, которые движутся, лаская и поддерживая на широких крыльях точёное тело птицы. Он поднимался к солнцу, и у Валерки слепило глаза, но он смотрел и как будто вместе с птицей поднимался туда, в небо, поднимался всё выше и выше, почти исчезая в голубой бездне.

Валерка вспомнил, как они с Павлухой в первый раз забирались на вышку, поставленную топографами. На самую верхнюю площадку. Тогда был облачный день. Внизу тихо, а на вышке дул ветер. Они лезли по скрипучим шатким ступеням, лезли выше самых высоких деревьев. Видна была их деревня и другая деревня, и ещё далеко-далеко.

Смотреть вниз было страшно и интересно. Он узнавал перелески, дороги, поворот ре-

ки. Знакомые места, но с такой высоты они были новыми и неожиданно красивыми. По земле, по верхушкам леса, по зелёным лужайкам плыли тени облаков, и Валерке казалось, что он сам летит над землёй, распластавшись в воздухе сильной птицей.

Павел, Валеркин друг, не любил ястребов. Каждый раз, увидя ястреба, он стрелял в него из палки, словно из ружья. В деревне никто из ребят не любил ястребов. Не любили и даже боялись. Говорили, что ястреб таскает кур и цыплят, нападает на кошек, на овец. Говорили, будто он и на человека может напасть, если тот один. Валерка не очень-то верил про овец и про человека, но когда ястреб появлялся над деревней и куры

в испуге бросались враспынную, тогда Валерка вместе с мальчиками швырял камнями в ястреба и кричал и свистел не тише, чем другие. Ястреб не спеша делал несколько кругов над деревней и улетал к лесу. Камни, даже брошенные изо всех сил, не доставали ястреба и, бесполезные, шлёпались на землю.

«Улетел, вражина! — победно говорил Павлуха и сокрушённо вздыхал: — Было бы ружьё!..»

Валерка поддакивал: «Было бы ружьё, не стал бы этот ворюга здесь разлётывать».

Говорил он это просто так, за компанию, рассуждая про себя, что если и вправду ястреб нападает на кур, так это не оттого, что ястреб плохой, а оттого, что ястреб — хищник. Не может же он целыми днями разрывать кучи мусора и выискивать крошки, как курица. Тогда бы он был просто курицей, а кто бы тогда был ястребом?

Раньше, до того, как Валерка стал ездить на каникулы в деревню, орлов и ястребов он видел только в зоологическом саду и на картинках. На картинках орлы сидели и летали, высматривая добычу и нападая на неё. В зоологическом саду они всегда сидели. Иногда расправляли крылья, как будто собираясь лететь, но складывали их снова и оставались на месте. Орлы тосковали. Смотрели на прутья клетки и, наверное, вспоминали о высоком небе, о диких скалах и о большой красивой

земле, которую они видели сверху.

Ястреб давно скрылся за кромкой леса, а Валерка всё смотрел в небо.

Идти снова в мрачный лес не хотелось, и он, подстелив рубаху, растянулся на ней, подставив лицо солнцу.

Скоро ястреб появился опять, а рядом с ним летела, не отставая, какая-то птица поменьше.

«Почему же она не улетает? Ведь ястреб её задерёт!» — забеспокоился Валерка. Но птицы продолжали кружить вместе.

«Это ж ястребёнок! Конечно. В точности похож на большого. Так это для него ястреб охотился за мышью!» — осеңило Валерку.

Ястребёнок был слабее большого ястреба и, не справляясь с потоком воздуха, чаще взмахивал крыльями.

Они кружили над вырубкой, перегоняя и догоняя друг друга, то и дело издавая резкие, чуть жалобные крики. Ястреб быстро набирал высоту и вдруг, сложив крылья, падал на ястребёнка. Валерка пугался, но ястреб на мгновение раньше, чем коснуться жертвы, раскрывал крылья и упруго уходил в сторону.

Потом нырял вниз, под ястребёнка, и тогда ястребёнок, как большой, сложив крылья, в свою очередь падал камнем на ястреба, а тот, гребанув в воздухе крылом, круто уворачивался.

«Учит... Вот здорово!» — за-

мирал от удовольствия Валерка.

Они были только втроем в теплом солнечном лесу над широкой вырубкой: две сильные птицы и Валерка, — и больше никого. Валерка был с ними, с птицами, и казалось ему, что ястреб доверил ему, Валерке, что-то очень важное...

Спустя несколько дней, когда ребята гоняли на дороге мяч, над деревней появился ястреб. Он начал кружить над домами, а ребята, как всегда, стали с криками бросать в него камни.

— Валерка, — закричал Павлуха, — тащи ружьё!

— Нё, неохота... — отозвался Валерка.

— Давай я сбегаяю. — И, не дождавшись ответа, Павлуха бросился бежать к дому.

— Ты всё равно не знаешь, куда я патроны прячу! — крикнул ему вслед Валерка, но Павлуха, не оглянувшись, прокричал:

— Знаю! — И скрылся в дверях дома.

Запыхавшийся Павлуха притащил ружьё и один патрон. Сам зарядил и, умоляюще глядя на Валерку, попросил:

— Дай стрельну, а?

— Я сам. — Валерка взял у Павла ружьё.

Ястреб кружил над амбарами довольно низко. Валерка, неся в руке ружьё, окружённый ребятами, подбадриваемый Павлухой, вышел за деревню. Ястреб поднялся немного выше, но не улетел. Ва-

лерка не спешил, но ребята наседали, и уже нужно было стрелять. Валерка отогнал от себя ребят, взвёл курок и вскинул ружьё. Ястреб был на мушке. Валерка плавно проводил его, изучая линию полёта. Теперь, чтобы попасть в ястреба, нужно перевести мушку на корпус птицы вперёд и плавно нажать спусковую скобу. Валерка перевёл

мушку на три корпуса назад и выстрелил. Ястреб резко взмыл вверх и полетел к лесу.

— Промазал! — загалдели ребята. — Эх, ты!..

— Дал бы лучше мне, — тянул Павлуха.

А ястреб, долетев до леса, сделал большой круг, помахал Валерке крыльями и скрылся из глаз.

МЕДАЛЬ для мецената

После своего старта в 1901 году петербургский футбол юридически оформил своё существование. Была создана футбольная лига, которая ведала всеми состязаниями. Команды в ту пору носили странные названия. Например, «Кружок любителей спорта», сокращённо КЛС. Но болельщики именовали его попросту «Спорт».

Футболом в «Спорте», да и вообще всеми делами кружка заправлял солидный господин с иностранным акцентом. Это был председатель КЛС, швейцарец Шинц. Раз в неделю он являлся в раздевалку футболистов, где его уже ждали молодые люди в студенческих куртках и чиновничьих мундирах. Ровным голосом председатель зачитывал список игроков, участников предстоящего матча, и счастливицы торопливо шнуровали бутсы.

Господин Шинц имел собственное доходное дело на Гороховой улице. Он торговал водопроводными принадлежностями и именовал себя инженером. А футбол был его самой большой страстью. Но, конечно, не это явилось причиной избрания Шинца председателем. Почтение окружающих он заслужил крупными взносами в кассу кружка. Деляга Шинц сумел привлечь и других богачей, которым ничего не стоило отвалить клубу денежный куш. Для таких благородных

господ на новом поле «Спорта» (рядом с нынешним стадионом «Динамо») была сооружена почётная ложа. Порой там восседали даже великие князья или семейство князей Белосельских-Белозерских, официально слывшее покровителем кружка.

«Покровители» футболом интересовались не очень, изредка они появлялись лишь на кортах, позависавшись теннисом.

Зато Шинц рвался в бой. Иногда в списке участников он называл и свою фамилию. И обязательно в роли центра нападения. Футболисты молча переглядывались, а кто-нибудь из тех, что постарше, осторожно говорил:

— Конрад Конрадович, вам лучше сыграть хавбеком.

— Верно, у вас на этом месте хорошо получается, — осмелев, подхватывали другие. — Сыграйте уж, господин Шинц!

Шинц довольно улыбался и уступал просьбам. Все облегчённо вздыхали: уговорили. Ведь оборотистый меценат... играл из рук вон плохо. Ставить его на ответственную роль значило обрекать команду на неудачу. А среди трёх полузащитников (хавбеков, как тогда говорили), грузный мужчина средних лет был даже к месту.

Меценат-швейцарец, как и другие футболисты «Спорта», носил на шляпе черно-белую ленту, а на

сюртуке маленький значок той же расцветки в форме щита. Но Конрад Конрадович мечтал о другом — о памятной медали, которую получали каждую осень игроки лучшей команды Петербурга. Правила лиги он знал досконально, — нужно сыграть хотя бы два матча в клубе, который займет первое место. «Спорт» еще не занимал первого места, но на всякий случай господин Шинц дважды в сезоне натягивал чёрно-белую футболку и приводил в смятение своих партнёров нелепыми ударами. В таких матчах футболистам «Спорта» приходилось особенно тяжело, они играли считай что вдесятером. А желанная медаль всё ускользала от Шинца.

Всем хозяйством «Спорта» ведал сторож дядя Павел. Этот крепкий бородач отлично управлялся с ракеткой, и на его обязанности лежало также обучение теннису знатных посетителей кружка. Сторож шутя обыгрывал на площадке князей и баронов, а в свободное время бродил по городским пустырям, присматриваясь к «диким» командам. Так называли тех, кто не имел доступа в настоящие клубы. Их развелось в ту пору видимо-невидимо. Подростки гоняли мяч где придётся, возле самодельных ворот, а в дни лиговых матчей глазели на футболистов из-за забора. Вход на

поля клубов был платный. Тридцать копеек имел далеко не всякий мальчишка.

Среди «дикарей» дядю Павла особенно интересовала «Александрия», игравшая свои матчи на лужайках Крестовского острова. Дело в том, что мяч, которым играли александрийцы, сильно смахивал на тот, что однажды перелетел за ограду «Спорта» и с тех пор исчез. Недаром «Александрия» при появлении известного всем на острове сторожа поспешно прерывала игру и удалялась в неизвестном направлении.

Дядя Павел тоже был не промах. Он подстерёг «дикую» команду во время ожесточённого сражения с таким же дворовым «клубом». Разница состояла лишь в том, что противники александрийцев не имели даже своего мяча, хотя пышно именовали себя «Пальмирой».

Дядя Павел, притаившись в кустах, ждал только удобного момента, чтобы предъявить права собственности на спортивный мяч. Но ведь он тоже был болельщик, из тех, которые, сами никогда не выходя на поле, разбирались во всех тонкостях игры. Сторож сразу выделил двух-трёх мальчуганов, а среди них коренастого крепыша. Сверстники звали его Пашкой, и по всему было видно, что это предводитель александрийцев. «Пальмира»

безнадёжно проигрывала, и виной тому был прежде всего Пашка. Он не лез вперёд забивать голы, а крутился с мячом в середине площадки, хитро обманывал наседавших соперников и потом кидал мяч кому-нибудь из своих. Так редко играли взрослые на большом поле. Сторож засмотрелся и забыл про мяч. Потом тихонько выполз из своей засады и ушёл прочь. Матч «диких» продолжался без помех.

Вечером того же дня дядя Павел наведалься к рабочему патронного завода Василию Батыреву. Завидев бородачу, Пашка сразу смекнул, в чём цель столь неожиданного визита. Он хмуро покосился на отцовский ремень и на всякий случай буркнул:

— Никакого вашего мяча я не видел.

Отец насторожился, но дядя Павел, погладив бороду, спокойно сказал:

— Мяч? Какой мяч? Он уже нашёлся, в канаву закатился. А зашёл я вот по какому делу: господин Шинц велел тебе завтра прийти в кружок.

Когда сторож рассказал Шинцу про способного юнца из дикой «Александрии», тот поморщился: он предпочитал вербовать в «Спорт» игроков с именами. К тому же клуб считался аристократическим, а в «диких» командах в основном играли дети неимущих. Но сторож в футболе знал толк, — председатель в этом не сомневался. Опять же заветная мечта господина Шинца — медаль чемпионата Петербурга! Своими ногами ему её не добыть. Ради хорошего футболиста стоило поступиться традициями столичного клуба, кроме, разумеется, одной. Поэтому Шинц спросил:

— А у этого Батырева есть чем платить членский взнос?

— Есть, есть, он уже заплатил, — заверил сторож и достал из кармана собственную трёхрублёвую бумажку.

— Ну, ладно, тогда пусть сы-

грает... в четвёртой команде, — распорядился Шинц.

Сам господин председатель редко разговаривал с игроками младших команд, да вдобавок ещё из простого люда. Заниматься этим он предоставлял сторожу дяде Павлу.

В клубе аристократов появился новый игрок, которому суждено было вписать в историю отечественного футбола одну из ярчайших страниц. Свою спортивную карьеру Павел Батырев начал «сезонным посетителем» кружка. Это звание давало ему право посещать поле «Спорта», не боясь его сторожей. Сыграв матч в своей четвёртой команде, он всегда оставался смотреть игру «премьеров» из первой клубной.

«Спортовики» выбегали на площадку в своих полосатых чёрно-белых рубашках и длинных-предлинных чёрных трусах. Батырев знал их всех наперечёт. Вот Ваня Егоров, знаменитый правый край. Он, как всегда, ведёт мяч по самой ленточке, хитро обыгрывая защитников, которые думают, что мяч вот-вот уйдёт в аут. Егоров — любимец публики. Он очень галантный футболист. Если поблизости нет мяча, Егоров, улыбаясь, прогуливается вдоль кромки поля и вежливо раскланивается со всеми знакомыми, а заодно и незнакомыми зрителями.

Другой — форвард Михаил Никитин — гроза вратарей. Он, как таран, идёт на вратаря, норовя со всего маху затолкнуть его в ворота заодно с мячом. Батыреву больше нравился нападающий Евгений Лапшин, который умел издали метко обстреливать ворота.

Но главное, конечно, хавбеки. Разве не запомнишь такого, как Алексей Уверский. Высокий, здоровенный парень. За внешность зрители прозвали его «Зверский». Алексей — человек добрый и застенчивый, он безумно влюблён в футбол. Как-то, отвечая на вопрос газетчика о происхождении своей фамилии, он сказал:

— Фамилия моя вполне футбольная и происходит от слова «вёрткий», «увернуться»...

А прозвище «Зверский» Алексею в общем-то дали зря, — на поле он никого нарочно не обидел.

Это не то что Павел Курзнер — «монах». Так его окрестили за буйную, всегда растрёпанную шевелюру. Нрав у Курзнера не монашеский. Своих товарищей он подбадривает весьма рьяно:

— Ешь игрока! — Бас у Курзнера зычный, не зря поёт на сцене Мариинского театра.

— Держу его! — Такой клич Курзнер издаёт, когда мчится на чужого игрока. После этого наскока мяч оказывается неизвестно где, а чужой игрок всегда на земле. Буйный нрав у Павла Курзнера, что и говорить.

Впрочем, не все такие. Николай Громов и Никита Хромов играют только на мяч. Хромова, или, как его все звали, «Митю», отыскивали где-то за Невской заставой. Зрители считали просто: кто сильнее и выше запустит «свечку», тот и лучший игрок. Митя катал мяч по низу, не лупил куда попало, а старался отдать в ноги, своему. Гля-

дя на него, учились играть и Батырев, и другая молодёжь. Хромов был рабочим, работал на английской фабрике.

Господин Шинц распорядился написать в списке клуба против его фамилии — «служащий». Неудобно всё-таки, великие князья, сыновья царя в «Спорте» состоят, а тут вдруг рабочий... Лишь единицам из них удавалось пробиться в большой футбол в условиях царской России.

...Октябрьский вихрь, пронёсшийся над просторами России, смёл всех спортивных хозяйчиков и меценатов типа Шинца. Широкая дорога в спорт открылась для молодёжи. Несмотря на все трудности, вызванные гражданской войной, разрухой и голодом, спортивная жизнь не замирала. Уже в 1923 году советские футболисты впервые померились силами с буржуазными командами. Они побывали в Швеции. Первый матч состоялся в Стокгольме на Королевском стадионе. Наши спортсмены многое слышали об этом великолепном сооружении. Матч был назначен на вечер. Но игроки не утерпели, ещё днём побывали на месте будущего сражения. Каков-то он, Королевский стадион? Они увидели ярусы трибун под крышей, изумрудное поле. Всех особенно поразили многотысячные трибуны.

В ту пору на самых больших петроградских и московских стадионах возле площадок в лучшем случае стояли два-три ряда простых скамеек. «Если в Швеции такие стадионы, то какими же должны быть игроки?» — невольно приходила каждому в голову тревожная мысль. Вспоминали наши футболисты и другое. С Королевским стадионом была связана одна из самых мрачных страниц дореволюционного русского спорта. Здесь в 1912 году на Олимпиаде сборная России потерпела сокрушительное поражение от немцев со счетом 0:16!

Шведские газеты тоже вспоминали Олимпиаду 1912 года и плачевный дебют русских. Если в то время русские не умели играть, то сейчас и подавно. Откуда им было научиться футбольному искусству в дикой стране?

Некоторые журналисты приняли советскую команду в штыки. «Это не футболисты, не спортсмены, это — красные агитаторы. Таким не место на Королевском стадионе!» — писали они.

За обедом хозяйка пансионата, в котором разместились футболисты советской сборной, с подозрением поглядывала на приезжих. Видно, разговоры о «красных агитаторах» дошли и до неё. А гости вели себя подчёркнуто спокойно, сдержанно; холодный приём в шведской столице заставил всех подтянуться. Умолкли смех и шутки. Игроки дали друг другу слово — как бы там здорово ни играли шведы, счет 16:0 не повторится.

На свой первый международный матч игроки советской команды пришли пешком. Хозяева «позабыли» прислать за ними автобус... А выход команды в красных рубашках стадион встретил настороженным молчанием. Потом раздались аплодисменты, появились футболисты сборной Стокгольма. Шведы и в самом деле играли быстро, напористо. Пока наша сборная разгрызвалась, в ворота Николая Соколова они забили два мяча.

Но постепенно советские футболисты освоились с манерой игры хозяев поля и сами стали их теснить. Защищаться пришлось уже шведам. И в один из моментов они откровенно скосили в штрафной площадке нашего форварда, прорвавшегося к воротам. Судья свистнул. Товарищи посмотрели на Павла Батырева, который играл в команде на посту центрального полузащитника: «Иди, бей пенальти!» Судья уже отсчитывал одиннадцать шагов. Батырев подбежал, аккуратно установил мяч. Отошёл назад для разбега и... показал вратарю рукой в правый нижний угол, — дескать, ударю сюда. Такая уж у него была привычка. Однажды в матче с харьковскими футболистами мяч четырежды ставили на одиннадцатиметровую отметку. Четыре раза подходил к нему петроградец Батырев и негромко предупреждал: «Бью в правый угол» или: «Бью в левый угол». Вратарь знал, что здесь нет никакого подвоха, но ничего не мог поделать, — Батырев чётко забил все четыре гола.

На Королевском стадионе он тоже не сплеховал. Положил мяч в угол, как бильярдный шар в лузу. Так открыла счёт забитым мячам сборная Советской России. А выпала эта честь сыну питерского рабочего Павлу Батыреву.

В том памятном матче на Королевском стадионе соперники сыграли вничью (5:5). А в повторном поединке перевеса добились «красные агитаторы». Впрочем, газеты уже не называли так наших игроков. Шведские журналисты писали о «симпатичных советских юношах, которые так хорошо играют в футбол».

В своем первом туре за границей сборная Советской России действительно добилась блестящего итога. В восемнадцати матчах с сильными командами Швеции, Норвегии, Германии и буржуазной Эстонии наши спортсмены одержали пятнадцать побед и сделали три ничьи.

Ю. КОРШАК

БОЛЕЛЬЩИКУ

Болельщики — странный народ...
Их шумный восторг мне не ясен.
И даже скажу наперёд:
Я с ними

ни в чём
не согласен.

Занятия не знаю смешней,
Когда ты болеешь упрямо
За сильных и ловких парней
Спортивного клуба «Динамо».
Ты смелым кричишь:

«Не робей!»

Ты ими командуешь прямо...
Болеи бы за тех, кто слабей,
За тех, кто ещё не в «Динамо»,
За тех, кто боится воды,
За тех, кто ни шагу без мамы,
И сам за себя, если ты
Ещё не дорос

до «Динамо».

Советы для каникул

САМАЯ ценная книга — это природа. Смотри, не вырывай её страницы, как ты это делаешь, к сожалению, с библиотечной книгой.

Дружи с ребятами, и главное, дай им повод дружить с тобой.

Никогда не разговаривай с твоими товарищами свысока, включая тот случай, когда ты первый забрался на гору.

Не старайся щеголять остроумием в особенности, когда твои товарищи хотят спать.

Рука руку моет, а обе моют лицо. Это не значит, что не нужно мыть и шею.

Если любишь собирать гербарий листьев, это хорошо. Но не ломай ветки. Их трудно будет спрессовать.

Будь всегда весёлым. Иначе твои друзья подумают, что у тебя две-три переэкзаменовки на осень.

*Лизелотта
Вельскопф-Генрих*

Рисунки А. Круцова

**ХАРКА-
СЫН
ВОЖДЯ**

3. СРАЖЕНИЕ В ПРЕРИИ

Второй день род Медведицы двигался на юг. Ехали молча, все были поглощены своими переживаниями. Только что похоронили Белого Бизона, который не вынес тяжести перехода. Высоко в небе парил крылатый хищник. На горизонте блестели покрытые снегом вершины Скалистых Гор.

Харка покачивался на своём стройном пегом коне. Глаза мальчика всё чаще и чаще устремлялись вперёд, туда, где снова можно встретить бизонов, а значит — быть сытым.

Раскалённое солнце, озарив напоследок пурпурным сиянием небо и прерию, закатилось. Резко похолодало. Женщины быстро натянули все тридцать

палаток. Взрослые, мальчики и девочки моментально заснули под одеялами из мягких шкур.

Едва забрезжило утро, как на речке, что протекала рядом с лагерем, были выбраны места для купанья: отдельно — для мужчин, отдельно — для женщин. Несмотря на то, что была весна, вода стояла очень низко и плавать было невозможно. Харка отыскал местечко поглубже и позвал к себе братишку — Харбстенаха. Они долго плескались и обливали друг друга. Потом потёрлись речным песком, а выйдя на берег, намазались медвежьим салом. Оно хорошо предохраняло кожу и от солнца и от холода. В типи им дали по кусочку мяса волка, убитого накануне в пути. Мясо было жё-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5 за 1966 г.

сткое и невкусное, но всё же лучше, чем ничего.

До отправления в путь ещё оставалось немного времени. Бабушка Унчида села у очага и принялась разбирать травы, собранные по берегам речки. Харка с сестрой Уиноной под-сели к бабушке, и та объясня-ла детям, что это за растения.

— Вот эта трава, — сказала она, — кладётся на открытые раны. А вот эта хороша для затянувшихся ран.

Уинона мечтала стать такой же известной знахаркой, как и бабушка, и внимательно слу-шала. Для Харки это было не так интересно, и он спросил Унчиду, уж не думает ли она, что эти травы скоро понадо-бятся.

— Ты читаешь мои мысли, — ответила мать Матотаупы. — Мы идём туда, где в полдень солнце стоит над головой. Там живут враги дакотов — пауни. Они тоже охотятся за бизона-ми. И если мы придём туда, нашим мужчинам придётся бо-роться.

— Но земли дакотов про-стираются до Большой Реки, и

пауни не должны переходить её...

— Так говорят вожди и вои-ны дакотов. Вожди и воины пауни думают по-другому...

Унчида хотела ещё что-то сказать, но вошла мать Харки. Она была очень возбуждена и сообщила, что разведчики об-наружили около лагеря следы чужих воинов.

Харка тотчас выбежал из типи. Он увидел, что Матотау-па и Солнечный Дождь стоят перед палаткой жреца. Сол-нечный Дождь пытался, види-мо, в чём-то убедить вождя. Но так и не договорившись, они вошли в палатку.

Перед Харкой неожиданно появился Четан.

— Что ты стоишь здесь, как бизон, отбившийся от ста-да? — спросил он.

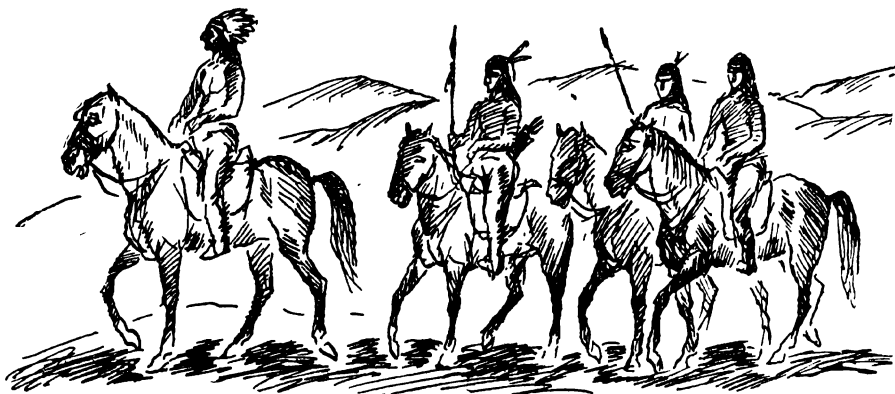
— Они совещаются в па-латке жреца, — сказал Харка.

— Ты догадываешься, о чём?

— Конечно, о случившемся.

— Что об этом думаешь ты?

— Следы нашли наши раз-ведчики. Я не видел этих сле-

дов. Сначала надо увидеть их, а потом можно думать.

— Хау. Показать тебе следы?

— Покажи.

— Пойдём со мной.

Метрах в трёхстах от лагеря, на склоне холма, с которого далеко просматривалась прилегающая местность, была хорошо заметна примятая трава. Харка стал рассматривать след. Четан ждал, что он скажет, и это заставляло Харку быть особенно внимательным: Четан, несомненно, хотел испытать его.

— Стебли трав немного выжились, — сказал наконец Харка. — Совсем немного... Здесь лежал человек. Он был очень осторожен, и всё же... всё же, вот посмотри: рядом на песке — отпечаток мокашина. Это разведчик врага поднимался. Края следа ещё не осыпались: значит, он поднялся совсем недавно, под утро. И это был индеец. Он, наверное, спешил. Вы его не видели?

— Нет, — ответил Четан виновато. — Не видели. Их было, может быть, двое или трое, но мы их не видели... Я думаю, они могли подойти даже к самому лагерю, когда мы обходили его с противоположной стороны. Вероятно, они заметили наши следы и поспешили удрать.

— Но это же смешно! Вы даже не узнали, из какого они племени?

— Не узнали... Но их-то разведчики, добравшись до наших палаток, наверняка определили, что имеют дело с дакотами...

Дакоты делились на семь больших ветвей, и само слово «дакота» означает семь огней — семь костров племенных советов. Каждая из семи ветвей племени состояла из многочисленных групп и родов. Род Медведицы входил в группу «Оглала», которая принадлежала к ветви тетон-дакотов, живших на западе.

— Может быть, они — тоже дакоты... — продолжал

размышлять вслух Харка. — Может быть, они захотели поговориться со своими вождями?..

— Не думаю. Видимо, это всё-таки пауни.

Харка ничего не ответил, — он увидел, что отец и Солнечный Дождь вышли из палатки жреца. Мальчики побежали назад, в лагерь. Вождь позвал ещё двух воинов — Старую Антилопу и Ворона, и все вошли в его собственную типи. Харка покинул Четана, проскользнул под полог, пробрался в заднюю часть палатки и подсел к матери.

Торжественного совета вождь не открывал. Мужчины достали короткие трубки и набили их табаком, что соответствовало обычаю малых советов.

— Вы знаете, в чём дело, — начал Матотаупа. — За нами наблюдают пауни. А раз уж они появились здесь, они обязательно нападут на нас.

— Их скальпы будут висеть у наших палаток! — воскликнул Старая Антилопа.

Матотаупа бросил на него укоризненный взгляд, и Старая Антилопа пристыженно опустил голову.

— Нам надо подготовиться к бою, — спокойно сказал Ворон. — Эти вонючие крысы могут укусить нас, прежде чем по обычаю отцов будет объявлена война.

— Это так, — угрюмо подтвердил Антилопа. — Если мы встретим пауни, то заговорят копья и стрелы. И я спрашиваю тебя, вождь Матотаупа:

будем мы дожидаться пауни в лагере или пойдём дальше?

— Мы пойдём дальше! — решительно заявил Ворон. — Разве мы не на своей земле? Неужели нам отступать перед этими койотами, ещё не зная, что они собираются делать? Разве это в обычаях Сыновей Большой Медведицы?

— Ты слишком горячишься, Ворон, — наморщив лоб, возразил Антилопа. — Скажи, Матотаупа, что тебе посоветовал жрец? Ты с ним говорил?

— Да, — ответил вождь. — Солнечный Дождь и я говорили с Хавандшитой. Он советует идти дальше, усилив отряд разведчиков.

Старая Антилопа покинул типи, чтобы оповестить всех о принятом решении. Матотаупа тем временем выделил ещё шестерых разведчиков — троих конных и троих пеших. Солнечный Дождь, Четан и Шонка отправились пешком. Ворон, его старший сын и ещё один воин — на конях.

Унчида первая принялась разбирать палатку. Её примеру последовали другие женщины.

Все были насторожены. Воины вынули из колчанов по две-три стрелы. Наготове были пращи из тонких прутьев и гибкие палицы — пучки толстых прутьев с укрепленными на концах тяжёлыми камнями. Это оружие несло врагу верную смерть, раскалывая череп.

Не прошло и получаса, как впереди послышался предупредительный сигнал — крик дрозда. Вслед за ним раздался

крик: «Враги!» — и показались несущиеся галопом к колонне разведчики. Харка посмотрел на своего отца — гордого военного предводителя. На голове вождя был надет головной убор из перьев орла. Матотаупа должен был дать приказ. Теперь уже никто не сомневался, что предстоит сражение.

Появившийся на пригорке Солнечный Дождь руками показывал, что впереди страшная опасность. В это время и сбоку раздался предупреждающий крик. Вдали слышался топот множества скачущих всадников.

По распоряжению вождя женщины забрали из волокуш детей и перерезали гужи: лучше потерять палатки и имущество, чем жизнь. Кожаные мешочки с неприкосновенным запасом пищи — сушёным мясом бизонов, сушёными кореньями и ягодами — они носили при себе. Под водительством Хавандшиты женщины и дети двинулись назад, подальше от места предстоящего сражения.

Топот нарастал. Скоро вражеские всадники, вытянувшиеся в правильную линию, показались на гребне ближайшего холма. Они угрожающе потрясали копьями, но из лука их ещё было не достать. И тут произошло что-то ужасное. Раздался резкий звук, какого Харке никогда не приходилось слышать. Мать Харки схватилась за грудь и откинулась назад, будто что-то ударило её. Харка подал Пегого вплотную

к коню, на котором сидела мать, чтобы помочь ей. Мать упала на его руки, и он почувствовал, что она мертва. Не в силах удержать ее, Харка соскочил с коня. Из груди матери текла тонкая струйка крови. Уинона пронзительно закричала и хотела тоже соскочить с лошади, но Харка приказал ей остаться в седле и уезжать вместе с остальными женщинами. Сам он снова вскочил на коня и повернул к воинам. Снова раздался тот же резкий звук, и Харка услышал, как что-то прожужжало над ним.

— Мацавакен! . Мацавакен! Гром-железо! — закричал Солнечный Дождь.

Враг был уже на расстоянии полёта стрелы. Воины рода Медведицы тоже вытянулись в линию. Обе стороны хорошо видели друг друга. Сорок два воина дакотов против шестидесяти воинов пауни!

Пауни, как и дакоты, приготовились к бою. На них были только кожаные пояса. Смазанная жиром кожа лоснилась на солнце. Боевая раскраска лиц свидетельствовала о том, что они имели время хорошо подготовиться. На голых черепах пауни торчали клочки волос. Вражеские воины натянули луки и угрожающе потрясали копьями. Харка узнал вождя врагов по пучку перьев в волосах. В руках вождь держал то страшное оружие, из которого только что была убита мать. Длинная железная трубка, прикреплённая к куску дерева! Харка видел, как

вождь при помощи тонкой палки что-то запихивал в неё.

В ответ на первые выстрелы пауни Матотаупа издал военный клич дакотов: «Хи-юп-юп-юп-хи-иах!» И все воины-дакоты подхватили этот клич, который должен был возбудить их мужество и напугать врага. Раздался ответный крик пауни. Вой и лай собак влился в общий шум.

— Эй вы, койоты! — кричал Солнечный Дождь. — Вы не напугаете нас вашим мацавакеном! Убийцы женщин! Мы покажем вам, как сражаются мужчины!

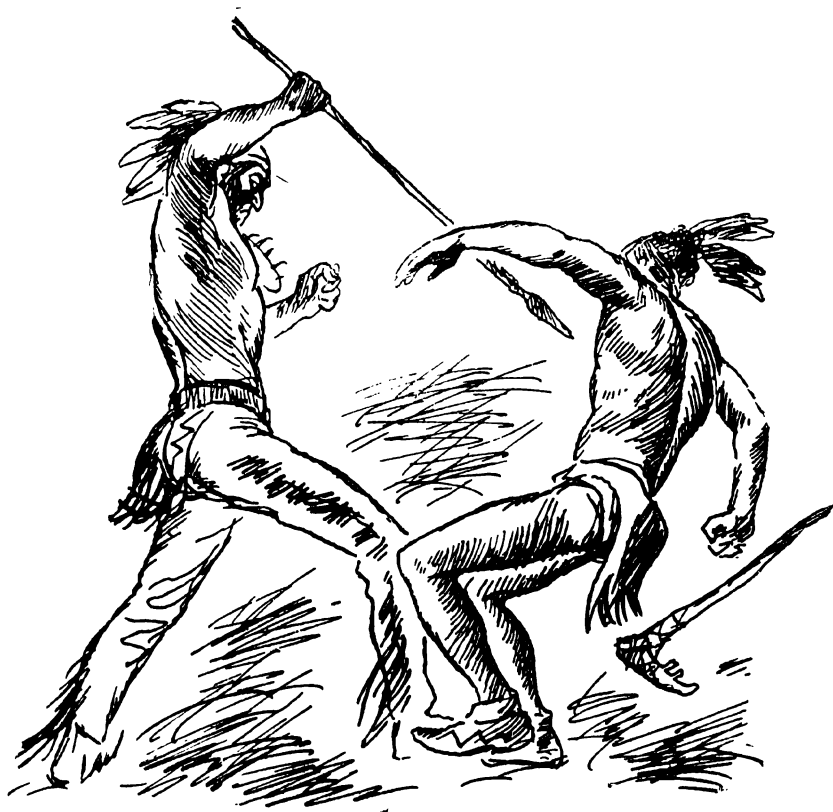
— Грязные крысы! Убирайтесь отсюда, не то ваши косы будут болтаться перед нашими палатками! — вопили пауни.

Вождь пауни зарядил свой мацавакен и, приложив его к щеке, поскакал вперёд. Навстречу ему понёсся Матотаупа. Следом за вождями ринулись и остальные воины. Вождь дакотов на всём скаку метнул копье раньше, чем раздался выстрел. Копье вонзилось в плечо пауни, он покачнулся, выронил ружьё и упал с коня. Старая Антилопа, Ворон и его старший сын были рядом с Матотаупой. Два пауни спешили спасти своего вождя и его оружие. Солнечный Дождь с несколькими воинами бросился в брешь, образовавшуюся в строю врага и, сразу же повернув, напал на пауни сзади. Удачно пущенная стрела поразила одного из врагов, и победный крик дакотов сопровождал этот маленький успех. А около павшего вождя

пауни завязалась схватка. Антилопа подхватил с земли упавшее ружьё, но, не зная, как его применить в бою, тут же отбросил в сторону.

Харка не терял из виду отца и его воинов. Заметив, что опасное оружие валяется в траве и мустанги сражающихся вот-вот разобьют его копытами, мальчик соскочил с коня и, пригнувшись к земле, побежал к сражающимся. Кони храпели, поднимались на дыбы. Сильный удар копытом пришёлся Харке по руке, и мальчик скорчился от боли, но продолжал пробиваться вперёд. Наконец он схватил ружьё и понёсся назад так быстро, как никогда в жизни не бегал. Ружьё было тяжёлое, но в этот момент он не почувствовал его тяжести, вскочил на коня, издал победный клич и, опустив поводья, поскакал в сторону от сражающихся. Он знал — увидев, что он завладел ружьём, враги бросятся за ним.

Харка изо всех сил прокричал как настоящий воин: «Хи-юп-юп-юп-хи-иах!» и поднял свою добычу над головой. Озлобленный вой пауни подтвердил, что Харка достиг цели. Вслед ему понеслись стрелы. Мальчик соскочил под брюхо коня, — и вовремя, потому что две стрелы тотчас скользнули по спине Пегого, а одна — запуталась в гриве. Харке удалось уйти за холм, но его настигал топот приближающейся погони. Шесть, нет, даже семь всадников! И Харка снова погнал коня вскачь.

Мальчик был лёгок, и Пегому ничего не стоило оставить врагов далеко позади. Оглянувшись, Харка увидел, что пауни остановились на пригорке, злобно кричат и стреляют из луков. Но стрелы не долетали. Харка ещё раз поднял ружьё вверх, чтобы разгорячить преследователей, и вдруг раздался выстрел. Мальчик от испуга уронил ружьё. Выстрел его произвёл потрясающее действие: преследователи бросились наутёк, вероятно решив, что Харке известен секрет оружия их вождя. Увидев, что враги бегут, мальчик сдержал коня, повернул его вспять и на скаку, опустившись до земли, поднял оружие. Он поехал на тот самый пригорок, где

только что были враги. Перед ним открылось поле битвы.

Линии воинов смешались. Вождь пауни лежал убитый в траве. Матотаупа держался недалеко от него и бился с врагами копьём. После каждой победы он, по обычаю индейцев, касался копьём убитого вождя. Солнечный Дождь со своей группой расстроил всё левое крыло пауни, но на правом враги теснили воинов рода Медведицы. Тогда Харка, крича изо всех сил и направив вперёд ружьё, понёсся на правое крыло. Ему удалось обратить на себя внимание. Пауни знали действие ружья, и приближение мальчика привело их в исступление. Одни из них бросились бежать, дру-

гие поскакали навстречу Харке. Это несколько облегчило положение дакотов на правом фланге, и теперь они уже сами набросились на пауни. Тут раздался новый победный крик Матотаупы, — он уложил копьем ещё одного врага, того, который принял на себя роль вождя. Вновь оставшиеся без предводителя, пауни дрогнули, ряды их расстроились, и они обратились в бегство.

Между тем Харке приходилось туго. К нему на полном галопе неслось несколько пауни. Мальчик, сообразив, что теперь нет никакого смысла спасаться бегством, поскакал туда, где был Матотаупа со своими воинами. Его встретил победный крик дакотов.

Дакоты преследовали последних пауни. Всё меньше и меньше врагов оставалось на поле боя. Последние удирающие пауни скрылись за холмами.

МАТОТАУПА протрубил в рожок сигнал сбора. Воины со всех сторон поскакали к нему. Они собрались у поверженного вождя врагов, по-

трясали оружием и оглашали воздух победными криками.

Женщины и дети, возглавляемые Хавандшитой, повернули обратно и скоро принялись за разборку брошенного имущества. Несколько горшков было разбито, несколько жердей для палаток поломано. Всё остальное сохранилось в целости.

Женщины принялись перевязывать раны воинов. Серьёзные раны перевязывали лыком, мелкие оставляли открытыми, чтобы на них запеклась кровь. Матотаупа был ранен ножом в ногу, и Унчида наложила ему повязку. Солнечному Дождю копьё попало в плечо, разорвало мышцы и поразило сустав. Воину пришлось обратиться к жрецу — Хавандшите. Насколько мало этот старик разбирался во внутренних заболеваниях, настолько хорошо врачевал раны. Во время операции Солнечный Дождь плотно сжал зубы и сохранял на лице выражение полного спокойствия: воин должен быть равнодушен к боли. Хавандшита позвал Унчиду, и та дала ему пучок со-

бранных утром трав, который был положен прямо на разорванные мышцы. Побледневший после перевязки Солнечный Дождь спокойно подошёл к своему коню. Унчида поднесла ему в кожаном бурдючке питьё.

Четан и Шонка тоже пострадали в бою. У Четана было сквозное ранение предплечья, Шонка получил удар по голове. Харка растирал ушибленную лошадью руку.

Род Медведицы потерял четырёх воинов: двух юношей и двух стариков, чьи жёны и дети остались теперь без кормильцев.

Харка, Уинона и Харбстенах вместе с Унчидой стояли перед телом матери. Большие глаза Уиноны потемнели. Харка и Харбстенах не могли удержать слёз. Конечно, вождь пауни хотел убить из своего мацавакена воина, он просто плохо прицелился, но выстрел этот навсегда отнял у детей мать. Сейчас её зашьют в кожаное покрывало и подвешат на колья, чтобы волки не могли до неё добраться.

Унчида погладила Уинону по голове, и девочка прижалась к бабушке. Мальчики взяли сестру за руки. Это как бы означало, что с этого момента они принадлежат друг другу, так как вместе пережили большое горе...

Когда Харка вернулся к своим товарищам — Молодым Собакам, те встретили его приветственными криками. Они видели теперь в нём настоящего воина, принёсшего добычу

с поля боя. Солнечный Дождь, Ворон и Старая Антилопа тоже выразили одобрение его действиям. Но они были сдержаннее, потому что взрослые, переживая радость победы и горечь потерь, всё больше и больше задумывались над будущим. Кто мог сказать, что эта первая схватка с враждебным племенем — последняя?

Когда стемнело и в небесной вышине зажглись бесчисленные звёзды, род Медведицы расположился на ночлег. Дозорные разошлись вокруг лагеря. Лошади устали не меньше людей и, едва утолив голод, прижались друг к другу, чтобы согреться. Собаки, чувствуя, что у людей им поживиться нечем, разбежались в поисках пищи, и несколько койотов, оказавшихся вблизи лагеря, стали их первой добычей.

Харка, Харбстенах и Уинона сидели вместе с Унчидой в глу-

бине палатки, так же как и утром этого богатого событиями дня. Теперь, вечером, в палатке им ещё больше не доставало матери. Унчида тихо пела песню о погибшей.

Харка положил на колени свой трофей — мацавакен. Он ощупывал его и думал о том, как с помощью этого оружия, отнявшего у него мать, он совершит хорошее дело — отомстит врагам, убьёт кого-нибудь из пауни. Он отвоевал мацавакен, и мацавакен принадлежит ему. Надо раскрыть тайну этого оружия и научиться владеть им. Кто в этом может помочь? Никто. Даже отец тут бессилен.

Заснули Уинона и Харбстенах. Улеглась Унчида. Только Харка не спал, когда вождь вернулся с совета из палатки жреца. Матотаупа сел у очага, набил трубку и закурил. Он долго так сидел молча, потом поманил к себе Харку. Мальчик осторожно положил оружие на землю, — он опасался, что ружьё опять может выстрелить, — и подошёл к отцу.

— Ты сегодня правильно действовал, — сказал вождь.

Харка в душе порадовался похвале, но совсем не так, как раньше, когда была жива мать и он чувствовал себя просто мальчиком.

— Мацавакен — твоя добыча.

— Да, — ответил мальчик гордо. Слова отца означали ведь, что Харка имеет теперь право распоряжаться этим оружием по своему усмотрению.

— Ты во время битвы выстрелил?

— Нет, оно выстрелило само, — сказал Харка неуверенно.

— Это колдовство.

— Возможно, отец... Но, может быть, мы просто не знаем этого оружия. Надо найти воина, который умеет с ним обращаться. Пусть мы будем искать сотню дней, но я уверен, что найдём... А если не найдём, то пойдём к великому вождю дакотов Татанке-Йотанке. Уж он-то знает тайну Гром-железа.

— Возможно... Но я хочу тебя просить подумать о другом. Сейчас уже поздняя ночь, и всё-таки я прошу тебя подумать. Ты не очень устал?

— Я готов, отец. Я не устал.

— Если мальчик такого возраста, как ты, добывает трофей, то по нашему обычаю мальчик приносит жертву Великому и Таинственному.

— Да, отец.

Харка знал об этом обычае. Все его старшие товарищи когда-то приносили жертву. Четан в одиннадцать лет принёс свою жертву — любимую собаку. Харка знал, что для Четана эта жертва была очень тяжёлой. Маленький чёрный клубочек — всё, что осталось от пса, был положен в пещеру, и Четан доказал, что отныне он способен преодолеть не только физическую боль. И все были горды за Четана, и Четан был горд за себя. Харка был уверен, что он так же спокойно принесёт любую жертву. Но лишь он сказал отцу своё

«да», как его охватил страх. Он очень устал, его измучил голод, нестерпимо ныла ушибленная рука.

— Харка — Твёрдый как камень, — продолжал Матотупа, — каждый мальчик приносит в жертву самое дорогое, и эта жертва — важное испытание воина. Ты прекрасно боролся и немало помог нам. Я думаю, ты принесёшь в жертву самое дорогое, что у тебя есть?

— Да, отец.

Харка снова спокойно сказал своё «да», но в душе его поднялась ещё большая тревога.

— Что для тебя самое дорогое?

— Мой конь, отец.

— Кони нам сейчас нужны как никогда, и мы не можем жертвовать ими. А что ещё тебе дорого, Харка — Твёрдый как камень?

— Моя добыча, отец. Оружие, убившее мою мать. Оружие, которым я убью пауни.

— Было бы хорошо, Харка, если бы ты принёс в жертву Великому и Таинственному мацавакен.

Харка долго молчал, потом спросил:

— Ты мне это предлагаешь, отец?

— Нет, я не предлагаю. Я только спрашиваю, готов ли ты сам передать мацавакен в палатку жреца.

— Да, я готов, — с достоинством ответил Харка.

Он взял ружьё и вышел из типи. Отец не остановил его. Мальчик направился к палатке жреца. Палатка была за-

крыта, но он решительно поднял полог и вошёл. Вместе с Харкой в типи ворвался ветер и раздались странные мягкие звуки. В полутьме мальчик заметил, что это высохшие шкуры змей зашуршали по подвешенным барабанам. Из глубины палатки показалась фигура старого Хавандшиты. Харка поднял своё ружьё.

— Это то, что я, Харка — Ночной Глаз, Твёрдый как камень, приношу в жертву Великому и Таинственному. Я всё сказал. Хау!

Старый жрец взял оружие:

— Хорошо. Теперь это принадлежит палатке жреца. Хау!

Харка не стал ожидать, что ещё скажет Хавандшита; он повернулся и вышел из палатки.

Он не сразу возвратился к отцу, а побежал к лошадям. Его друг Четан, несмотря на свою рану, охранял табун. Вдалеке завывали волки. Харка молча подошёл к Четану. Ничего не сказал ему и Четан. Харка прошёл к своему Пегому. Конь коснулся мягкими губами щеки своего хозяина. Харка задумался. Коня он не смог принести в жертву, потому что конь нужен. Свою добычу он принёс в жертву. Но разве она не нужна? Ведь это — оружие врага. Этим оружием нужно мстить врагу. А для чего нужен мацавакен в палатке жреца? Почему жрец хотел получить его именно сегодня ночью, когда Харка ещё не успел узнать тайны Гром-железа? Может быть, старик знает тайну оружия? Или, мо-

жет быть, всякая тайна принадлежит только Великому и Таинственному? Но ведь оружие было в руках вождя пауни и вождь пользовался им? А вождь пауни не был жрецом...

Харка не мог ответить на эти вопросы. Не мог он поделиться своими сомнениями и с Четаном. Только сейчас Харка понял, как ему жалко отданного мацавакена. Ведь, будучи воином и владея таким оружием, он был бы сильнее тех, кто имеет только лук и стрелы. Он мог бы стрелять дальше всех и убивать врагов.

Теперь Харка почувствовал, что самое большое его желание — добыть новый мацавакен и научиться им пользоваться. Надо его добыть! Придя к такому выводу, Харка молча покинул своего друга и вернулся в палатку отца.

Отец снова похвалил Харку за то, что он храбро сражался, и особенно хвалил за то, что он сумел принести достойную жертву. Но Харка на этот раз отнёсся еще равнодушнее к словам отца. Чем больше он думал, тем больше убеждался, что мысль о подобной жертве принадлежала не отцу. Отец не мог сам предложить мальчику отдать мацавакен, он слишком хорошо знал цену оружия, и никогда бы ему не пришлось в голову лишить мальчика его добычи. Нет, это сам старый Хавандшита придумал. Но зачем?..

Харка завернулся в мягкую шкуру и заснул.

4. ЧЕРНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

На следующий день дакоты продолжали переход. Возбуждение битвы улеглось, радость победы осталась позади, и всё сильнее давали о себе знать раны. Повреждённая нога мешала Матотаупе управлять конём. Солнечный Дождь с трудом держался на лошади.

Мужчины и юноши ходили в разведку и охраняли колонну, — ведь разбитые пауни могли собрать соплеменников и снова совершить нападение. Однако ещё большую опасность представлял голод, и разведчиков интересовали не только происки пауни, но и отыскание мест, где бы можно было поохотиться.

Когда на западе уже совершенно отчётливо вырисовались контуры Скалистых Гор, показалась река Северный Платт.

Хавандшита, который за свою долгую жизнь обошёл чуть не всю страну, повёл колонну вверх по течению, и скоро был найден брод. Здесь река становилась чуть не в два раза шире, зато скорость течения была меньше и местами из воды выступали песчаные отмели.

Матотаупа слез с коня, позвал Харку и передал ему повод. Опираясь на копьё, он вместе с Хавандшитой пошёл через реку. Благополучно достигнув противоположного берега, вождь отдал приказ пе-

реправляться. Кожаные мешки с кладью уложили на шесты, подвешенные между лошадьми. Женщины осторожно переводили навьюченных коней. Когда последний воин переправился на южный берег реки, был дан приказ разбивать лагерь.

Пока устраивались, Харка успел осмотреть окрестности. Когда он возвратился, палатки уже были готовы. Мальчик подошёл к типи отца и тихонько прополз под полог. Типи была пуста. Он улёгся на шкуру и через дымовое отверстие стал смотреть в небо.

Вскоре пришла Уинона, под села к брату и стала заплетать свою длинную косу. Видно, она что-то хотела сообщить. Харка посмотрел на неё, и девочка заговорила:

— Шонка и его мать будут жить в нашей палатке. У Шонки нет теперь отца, а у нас нет матери. Я ещё маленькая, и Унчиде слишком много работы.

— Та-ак. — Харка разгладил складку на шкуре. — Кто тебе об этом сказал?

— Унчида. А ей сказал отец. Ты это тоже должен был слышать, но тебя не было...

Всё было естественно и понятно. В суровой жизни племени всё принадлежало всем и каждый должен был помогать остальным...

(Продолжение следует)

Разные бывают королевства.

Одни из них недолговечны: трон уже шатается и вот-вот разрушится совсем... Возьмите, например, географическую карту Земли, — королевств на ней осталось довольно мало, а скоро и они исчезнут.

Но есть и другие, совсем другие королевства! Существовать они будут долго, очень долго, а может быть и всегда. Одно из них — королевство игр. Попробуйте представить себе нашу планету без игр, — вот скука-то наступила бы! Не только ребята, но и взрослые вряд ли когда-нибудь пожелают расстаться с этим королевством.

В этом королевстве можно и просто поиграть, и посоревноваться, и узнать, кто сообразительнее, кто настойчивее, кто трудолюбивее; здесь можно приобрести твердость характера, веру в свои силы, волю к победе, умение критиковать самого себя... И как всё это нужно даже за пределами этого королевства!

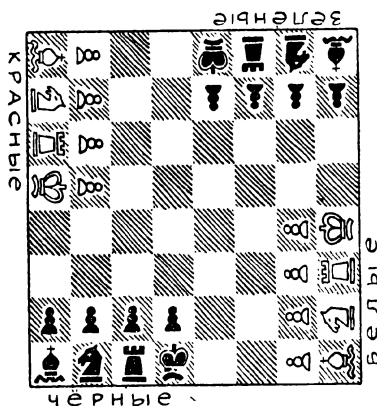
Но ведь раз — королевство, то должен быть и король и министры... А тут?

«Если шахматы — король в королевстве игр, то шашки — его премьер-министр», — объявил один французский писатель. И знаете? С ним никто не спорил, все согласились!

Так вот, здесь мы расскажем о юных годах этого короля в королевстве игр — о шахматах в юности.

Королю этому уже более пятидесяти сотен лет. Родина его — Индия. При рождении шахматы были названы «чатуранга», что у индусов означает четырехсоставное войско. В игре было всё, из чего состояли древнеиндийские войска: пехота, конница, слоны и боевые колесницы, а командовал войсками чатуранги полководец (в теперешних шахматах — король).

Вот как расставлялись перед началом боя фигуры:

Вас удивляет деление на четыре лагеря? Да, в ту пору за доску садились не двое, а четверо, и фигуры

тоже были четырёх цветов. Правила во многом отличались от нынешних. Например, мат не объявляли, а побеждал тот, кто уничтожал все фигуры противника. В игре применялись кости: их бросали перед ходом, определяя, куда и чем следует пойти. Это мешало игрокам проявить искусство: при удачном выпадении костей часто выигрывали слабые, исход борьбы решало не только умение, но и везение.

Немало легенд сохранилось о том, как появилась чатуранга. Одна из них уверяет, что изобрел игру некий странник. А когда он показал её радже, тот был так восхищён, что пообещал любую награду, хоть полцарства... Но странник попросил только: «Прикажи лишь дать мне немного пшеницы. Пусть на первую клетку шахматной доски положат одно зерно, на вторую — два, на третью — четыре, на четвертую — восемь и так удваивают до 64-й клетки».

Раджа, обрадованный тем, что от него просят так мало, приказал тут же выдать награду. Стали носить пшеницу. Сначала зернами, потом мерами, потом мешками... Но вскоре выяснилось, что просьбу странника выполнить невозможно: на всей земле нет столько пшеницы. Раджа был взбешён: не выполнен его приказ! И он направил гнев против того, кто побудил его отдать этот невыполнимый приказ: он велел отрубить страннику голову.

Прикинь раджа до отдачи приказа, каким огромным получится число зёрен, если проделать это удваивание от первой до шестьдесят четвёртой клетки, он бы не попал в просак.

Действительно: лишь на одну последнюю клетку пришлось бы положить 2 в 63-й степени зёрен! А это получится 9 223 372 036 854 775 808. Попробуйте-ка назовите это длинное число!

Но представим, что такое огромное количество зёрен нашлось и есть гигантская шахматная клетка, куда можно его ссыпать. Соберём всех до одного ребят вашей школы и поручим им эту работу. Пусть любой из

вас, даже первоклассник, успевает за каждую минуту насыпать на клетку по 5 килограммов зерен. И пусть все вы работаете по 10 часов в день без перерывов на обед или отдых. И пусть все вы будете работать ежедневно круглый год — без каникул и даже без выходных дней. Как вы думаете, за сколько времени в таких условиях вы бы насыпали зёрна на эту последнюю клетку доски? Справились бы за год? А за десять? Может быть, за сто лет? Как бы не так! Больше миллиона лет потребовалось бы всем вам, чтобы выполнить эту работу!

А ведь странник попросил в награду ещё больше зёрен. Хотите узнать точнее, сколько? Умножьте написанное выше число на два и затем снимите единицу.

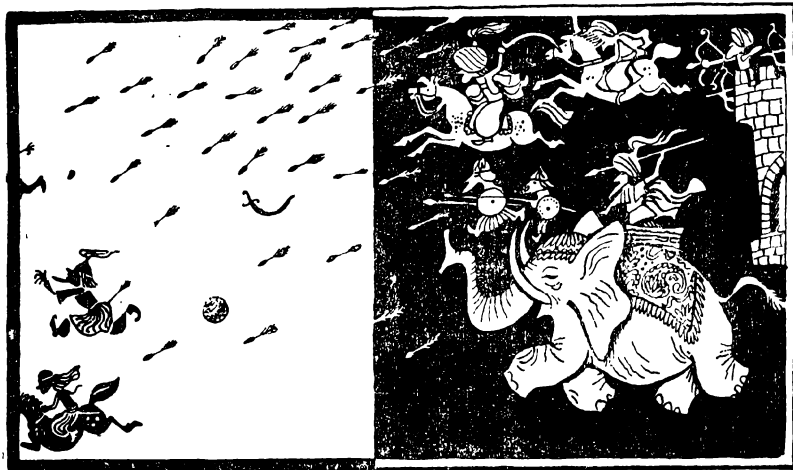
В четвёртом-пятом веках чатуранга из Индии попадает в Иран. Вот как сообщает об этом один очень древний иранский документ:

«Однажды великий индийский царь Девсарм решил испытать разум и мудрость иранцев, а заодно получить с них немалые дары.

Снарядил он тысячу двести верблюжьих вьюков золота и серебра, самоцветов и жемчуга, и всё это отправил иранскому шахиншаху Хосрову (по-персидски шахиншах означает — царь царей. Так именovali себя владыки Ирана). Кроме верблюдов отправил он ему и девяносто слонов. А ещё послал со всем этим самого выдающегося среди индийцев — изобретателя чатуранги. И велел ему царь Девсарм взять с собой чатурангу, все 32 фигуры которой были из изумруда или красного яхонта. И поручил ему царь Девсарм отдать шахиншаху грамоту, в которой было написано:

«Так как являетесь Вы над всеми нами шахиншахом, подобает и ученым Вашим быть учение наших. Посылаю Вам в дар верблюдов, слонов и всё остальное, а также и чатурангу, но если Вы сути этой чатуранги не раскроете, то верните всё посланное и столько же ещё пришлите.

А чтобы ничего не пропало и да-

ры вернулись бы удвоенными, Девсарм приложил опись всем вещам.

Шахиншах Хосров потребовал три дня сроку и собрал всех учёных своих. День проходит — учёные молчат, второй прошёл — всё ещё молчат. На третий день один из них — Важургмихр — встал.

Он сказал:

— Бессмертным будь, о шах, с победным счастьем! Я суть этой чатуранги ещё не раскрыл, но всё равно среди учёных мужей твоих учёнейший — я. Теперь, когда убедился ты, что никто разгадать её не может, берусь это сделать я. И пребывай в уверенности, о шах, что достоин ты шахиншахства и что учёные твои учёных Девсарма учёнее.

Шахиншах трижды сказал: «Слава Важургмихру!» — и приказал выдать ему двенадцать тысяч дирамов.

На другой день в присутствии шахиншаха и всех учёных мужей, в присутствии посла царя Девсарма взял Важургмихр доску чатуранги, расставил на ней изумрудные и яхонтовые фигуры и о каждой рассказал, какое её значение и какой она делает ход. Когда он рассказал это, всё собрание застыло в удивлении.

После этого Важургмихр играл двенадцать партий с изобретателем чатуранги — послом царя Девсарма, и все двенадцать раз выиграл. И тогда всю страну посетила большая радость, а к сокровищнице шахиншаха

Хосрова прибавилось много богатств».

Чатуранга пришлась по вкусу иранцам и под названием «шатранг» быстро распространилась в странах Средней Азии. К лучшему изменились ее правила.

Были изъяты кости, и ходы перестали зависеть от слепой воли случая. Только высоким искусством, а не везением можно было теперь выиграть партию.

В шатранг играли уже не четверо, а двое, и на доске располагались, как и в современных шахматах, два лагеря по 16 фигур. Полководец превратился в шаха, а рядом с шахом появился ферзь (по-персидски «ферзин» — советник шаха). Перестали снимать вражеского шаха с доски, а начали играть до мата.

И чатуранга и шатранг отображали военные сражения. Не случайно в чатуранге пешки (пехотинцы) стояли впереди. В те времена воины пехоты носили большие щиты. Когда конница, утомлённая рубкой в бою, нуждалась в передышке, она пряталась за выдвинутые вперёд сомкнутые щиты пехотинцев. Пехоту, не жалея, выставляли на убой: её набирали из беднейшего населения, а конницу — из феодалов.

Слоны тоже участвовали в бою. На их спинах — в башенках — укрывались стрелки и метатели дротиков. Слоны сокрушали всё на своем

пути, и, чтобы защититься от них, пространство перед наступлением врага усыпали остроконечными железными шипами: слоны, накаляваясь, поворачивали обратно.

На боевых колесницах располагались воины. Кроме того, к колёсам прикреплялись ножи, подрубавшие ноги вражеской пехоте и коням. Боевые колесницы были в Индии, но не в Иране, поэтому в шатранге вместо них появилась другая фигура — сказочная птица Рух.

А почему в Иране стали играть домата, а не до уничтожения всех фигур? Так точнее отображалась картина боя: у восточных народов в те века вражеский царь даже в самой горячей битве был неприкосновенным для всех неравных ему по рождению или по положению. Когда, например, трусливый армянский царь Пап, сам не участвовавший в бою, упрекнул своего полководца Мушега в том, что тот не убил албанского царя, а лишь прогнал с поля боя, Мушег ответил: «Равных мне врагов я всех истребил, а те, кто имеет венец, равня не мне, а тебе. Сделай милость, как я убил равных мне, так и ты убей равных тебе».

А впоследствии сложился и другой неписанный закон: царь тоже не мог казнить захваченного венценосца, а заточал его навсегда в замок забвения, где держал закованным в золотые цепи.

В седьмом веке арабы завоевали Иран и познакомились здесь с шатрангом, который по-арабски называли «шатрандж». Хорошо играть в шатрандж было очень почётно. Например, халиф ал-Мамун (девятый век), любивший играть, но игравший плохо, огорчался: «Странно, что я правлю миром от Инда на востоке до Андалусии на западе, и не могу справиться с тридцатью двумя фигурами на доске в две пяди на две».

Когда в десятом-одиннадцатом веках шатрандж проник в Европу, европейцы стали называть эту игру «шахи», или «шах». Названия фигур тоже переделали на свой лад: шах стал королём, ферзин — королевой, Рух — где башней, а где пушкой,

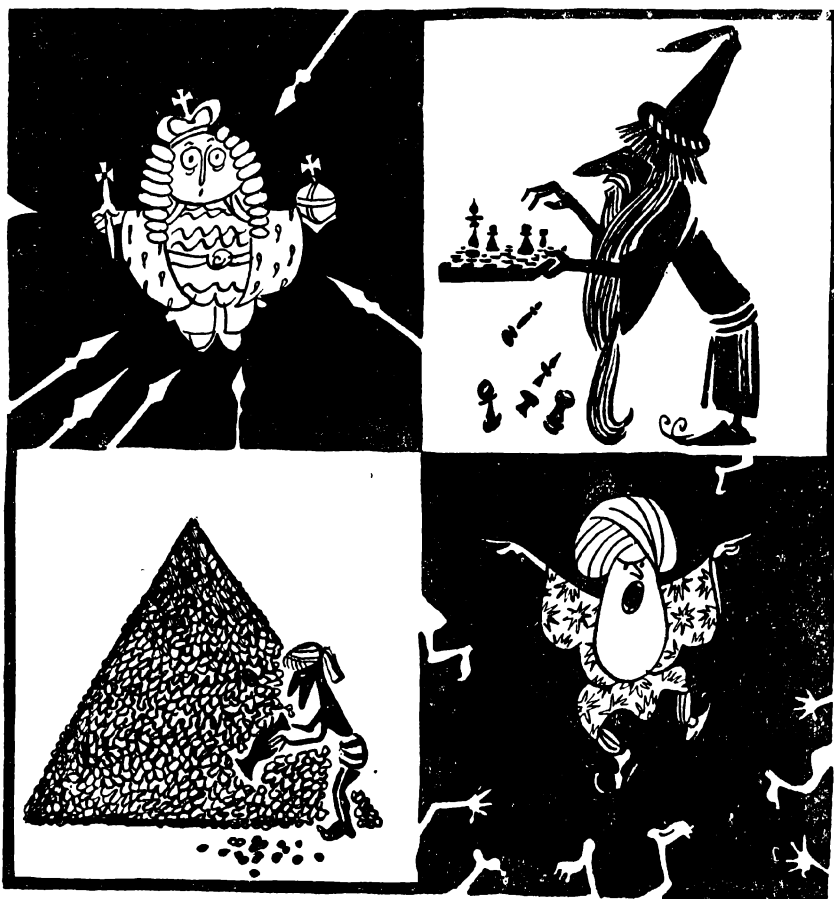
конь — где скакуном, а где всадником, слон стал у болгар офицером, у сербов и хорватов — охотником, у чехов — стрелком, у поляков — гонцом, у немцев — бегуном, у французов — шутком, а у англичан — даже епископом! И лишь пешки сохранили свой первоначальный смысл: пешие солдаты.

Откуда и когда попали шахматы на Русь? Сначала определим, откуда.

С запада или востока? Казалось бы, теперь это нельзя выяснить; никаких старинных записей нет... Да, документов нет, но есть свидетели. Конечно, не люди! Свидетели эти — слова, названия фигур. Смотрите: когда шахматы проникли в Западную Европу, в них появились королева, всадник, епископ. Приди шахматы на Русь оттуда, эти фигуры на Руси назывались бы так же! А какие названия у фигур наших шахмат? Ферзь, конь, слон. То есть те, что были ещё в Индии и Иране. Вот слова-свидетели и показали, что шахматная игра занесена на Русь с Востока.

Почему же в наших шахматах, как на Западе, есть король, а не шах? Сначала восточное название «шах» перевели русским словом «царь». Но вот в 1686 году, например, возникло «государево дело об оскорблении царя»: красноярский воевода доложил, что служилый человек Тимошка Елфимов донёс на служилого человека Марчка Хомякова, что тот, играя в шахматы и взяв с доски фигуру, сказал: «То-де, я чаял, ферзь, ано-де царь!» — и выругал царя бранными словами. Хомякова по приказу воеводы пытали, и тот «с пытки винулся», что выругал царя, но без умысла. Он был подвергнут заключению, пока не пришло из Москвы распоряжение: «Государи указали того Марчку освободить и о том из Сибирского приказу в Красноярский к воеводе послать грамоту». Ещё счастливо отделался Марчко!

Так как подобные истории, да и другие трудности при обращении в игре со словом «царь», возникали нередко, то в 1824 году известный шахматист А. Петров назвал в учеб-

нике главную фигуру не «царём», а «королём». С тех пор и привился у нас этот термин.

А когда попали шахматы на Русь? Об этом рассказывают другие свидетели — шахматные фигуры, попадающиеся при археологических раскопках. Например, когда в Чернигове вскрыли курган «Черная могила», то среди других предметов, относящихся к десятому веку, нашли и шахматные фигуры. Значит, шахматы известны на Руси уже более тысячи лет!

С шахматами боролась церковь средневековья. Она выдавала их за «наследие дьявола», относила к разряду «игор бесовских». Борьба эта продолжалась долго. Даже в 1731 году, когда она официально уже была прекращена, поступил, например, до-

нос от казанского митрополита Сильвестра Холмского на митрополита Феодосия Яновского: тот, мол, «будучи в Москве, оставя церковные службы и монашеское преданное правило... тешился в шахматы и в том ненасытно забавлялся... Да он же, Францышка, на московском подворье велел послушнику своему Торасу с колокольни старинные колокола продать, чтобы не мешали ему всю ночь в шахматы играть, потом довольно спать».

Но несмотря на всякие запреты, шахматы всё больше распространялись в народе. И теперь, как никогда и нигде, расцвела у нас эта старинная и мудрая игра. Юность короля игр осталась позади, наступила пора его зрелости!

Как я перестал подтрунивать над коллекционерами

У знаменитого американского писателя Марка Твена есть рассказ, герой которого собирает... эхо. Да, да — двукратное, четырёхкратное и даже повторяющееся двенадцать раз! Только вот беда: все эти эхо разбросаны по земному шару — где у звучащих скал, где возле водопада, а то и за стеной у соседа. Представьте, сколько хлопот с такой «коллекцией»?

Смешной, а главное — насмешливый рассказ. Очень досталось в нём незадачливым собирателям всяких мнимых богатств и диковин!

Но, как известно, в наше время коллекционеров тоже пруд пруди. И хоть редко встретишь сейчас чудака, который, скажем, годами накапливал бы у себя в комнате лошадиные копыта, — всё равно страсть к собирательству вызывает у многих непосвящённых улыбку.

Я один из таких непосвящённых. Ничего не коплю: ни значков, ни марок, ни открыток. И поэтому подтруниваю над приятелем, который вечно носит за какими-то старинными монетами.

Надоели ему мои насмешки.

— Слушай, — говорит, — ты немного играешь в шахматы, значит не так глуп, как кажешься. Отведу-ка я тебя в одну квартиру.

И отвёл... к коллекционеру.

Квартира как квартира. Небольшая. И вся заставлена и увешана, словно музей, экспонатами.

Знаете, что за экспонаты?

Шахматы!

Шахматные доски, фигуры, книги — самые разные, собранные со всех концов света. Даже камин, выступающий из стены, выложен изразцовыми плитками, на которых искусно нарисована старинная шахматная задача. Даже картины, висящие здесь, изображают

людей, известных нам и неизвестных, склонившихся над древней игрой.

Это было любопытно — но не больше. А хозяин, Вячеслав Александрович Домбровский, говорит:

— Вот доска, которую сработали умельцы Мавритании. Потом она попала в Эфиопию. Позже итальянские оккупанты, солдаты «дуче» — Муссолини захватили её в одном из эфиопских дворцов. Потом германские фашисты подружились с итальянскими, но дружба не помешала какому-то гитлеровцу увезти её к себе. Но вот разбили мы фашистов, и в часы отдыха стали наши бойцы играть в шахматы на этой доске-путешественнице. А когда узнали, что я страстный собиратель шахмат, подарили мне...

— Вот другая, — говорит Домбровский. — Это наша, российская, но тоже с «биографией». Её собрали из уральских самоцветов рабочие-горняки и подарили обрусевшему инженеру-французу. От души дарили или нет — мне это пока неясно (вот копаясь в книгах, хочу узнать). Но то, что сделана на совесть, — видите сами. А ко мне перешла уже от внука инженера.

...Хожу по домашнему музею Вячеслава Александровича — и всё больше начинаю удивляться. Ну вот простенькие, кустарные, нехитро точёные красные и белые

фигурки, — а за ними, оказывается, опять стоит История! Неведомый умелец сделал их в самый разгар гражданской войны. Значит, и тогда людям дорога была мудрая игра!

Но постойте... Что за нелепица! Вместо короля вижу тракториста. Вместо ладьи — силосную башню... И ещё — нефтяная цистерна. Вот так шахматы!

— О, — улыбается хозяин, — извиним мастеров поры первой пятилетки! Уж очень им захотелось показать, как по-братски живут в СССР город и деревня, вот и изготовили такой набор.

А я уже разглядываю другой комплект. Знаменитые на весь мир «матрёшки» тоже на время стали шахматами! Когда это было?

— В конце двадцатых, начале тридцатых годов. Ещё не очень богата была наша страна, нуждалась она в золоте. И вот открылись магазины «Торгсин», продававшие вещи только на валюту и драгоценные металлы. Ну, я у мамы выпросил серебряные ложки (государству серебро ведь тоже нужно!) — и за «матрёшками». Так был счастлив!

Я смотрю на хозяина. Невысокий, худощавый, пожилой — и очень подвижной. И глаза светятся каким-то задором. Вот она, знакомая мне страсть коллекционера! Но шутить над ней почему-то не хочется. Слушаю дальше:

— А знаете, как я гонялся вот за этими шахматами? Их старушка продала одному гражданину. Я узнал — и ринулся на поиски. Даже в милицию за помощью обращался. Нашёл! Чуть не рыдал от радости на плече у того гражданина!

Смеётся Вячеслав Александрович. Но вот тонкое его лицо становится серьёзным. Рассказывает, как в годы войны и блокады в лютый мороз вёз в пригород, к дяде, весь свой редчайший музей.

«Схорони, — взмолился, — это ведь тоже для людей...» Дядя схоронил в подвале.

Вячеслав Александрович — в прошлом кадровый военный, офицер. Служил в армии до войны, воевал с фашистами, защищал блокадный Ленинград...

— Ну ладно, — говорит он мне, взволнованный воспоминаниями. — Покажу самое главное богатство.

И достаёт ящичек. А в нём — простенькие серые картонные кубики. На их гранях нарисованы король, ферзь, кони, слоны...

— Блокадные шахматы... Помните, даже в то страшное время люди наши оставались людьми... Умирали от голода, но мысль требовала своего... Да что там говорить!

Он подходит к дальнему шкафу, достаёт маленькую самодельную доску. А в ней — совсем уж крохотные деревянные фигурки.

— Вырезаны стеклом, как видите... Их сделали узники одного из фашистских концлагерей... А дерево отломали от нар... Прочитал о моей коллекции в газете полковник из города Куйбышева — и недавно прислал.

Я смотрю на эти шахматы. Потом на собирателя.

Прощаясь, вижу, как бережно он укладывает фигурки в ящички.

...Мой приятель может быть спокойным: теперь я никогда не подтруниваю над коллекционерами.

Г. КНЯЗЕВ

КТО ОНИ?

На плечах у великана-моряка дяди Стёпы устроились герои книжек Марка Твена Том Сойер и Гекльберри Финн. Были ли в жизни эти герои знаменитых повестей американского писателя?

Оказывается, многое из того, о чем рассказал писатель, происходило на самом деле. Том Сойер — это сам Марк Твен в детстве. Правда, к характеру своего героя писатель добавил некоторые черты и своих друзей детства — Джона Бриджа и Уильяма Боуэна, а некоторые приключения шаловливого мальчишки просто придумал.

Так, писатель никогда не находил клада, хотя долго и безуспешно искал его на острове, который находился неподалёку от родного города Ганнибала. Как и герои его книг, Марк Твен играл на острове в разбойников, удил рыбу, охотился, и, конечно, хорошо знал ту самую пещеру, которая ныне известна как «Пещера Тома Сойера».

А добродушная тётушка Полли, которая, правда, порой давала своему племяннику подзатыльник и любила ему читать длинные нравоучения, это мать писателя Джейн Клеменс. Приятельница Тома Сойера Бекки Тачер — это подруга детских игр Лаура Хоукинс.

У маленького Марка Твена было много друзей, но самым близким из них был Том Бланкеншип, сын старого бродяги Бена Бланкенши-

па. Этот товарищ детских игр писателя и выведен в его книгах под именем Гекльберри Финна. В городе Ганнибале до сих пор сохранился «Дом Гекльберри Финна», превращённый в музей.

С одним из будущих героев книги — негром-невольником писатель познакомился, когда был в гостях у своего дяди, владельца фермы. Среди слуг дяди Марку Твену особенно понравился негр Даниэль. Старик искренне привязался к «мастеру Сэму» и горько плакал, когда наступила пора расстаться со своим питомцем.

Даниэль и выведен в книге как негр Джим. Старый слуга, правда, не бежал от своего хозяина, как герой повести «Приключения Гекльберри Финна». Однако история бегства Джима тоже взята из жизни. В детстве писатель узнал от своего друга Тома Бланкеншипа о том, что его отец спрятал у себя беглого негра. Старый пьяница не соблазнился наградой, которая была обещана за поимку беглеца, и не выдал раба его хозяевам. Одно время негр скрывался в «Пещере Тома Сойера» и маленький Марк Твен сам носил ему еду.

Рядом, в правом нижнем углу примостился герой пьесы Д. Фонвизина «Недоросль» Митрофанушка.

Был ли такой Митрофанушка в жизни? Рассказывают, что Д. И. Фонвизин приписал своему «герою» некоторые черты характера близкого знакомого, М. Н. Оле-

Окончание. Начало в «Искорке» № 5 за 1966 г.

нина (1763 — 1843 гг.). На представлении «Недоросля» присутствовал и М. Н. Оленин. Он узнал на сцене себя и бежал из театра до окончания представления.

Пристыженный юный Оленин

засел за книги и в короткое время сумел догнать своих сверстников. Позднее первый директор Публичной библиотеки в Петербурге М. Н. Оленин был одним из самых образованных людей своего времени.

Но некоторые ученые считают, что Митрофанушки на самом деле не было. В пьесе «Недоросль» писатель просто попытался выразить свои взгляды на воспитание молодёжи того времени.

А в левом нижнем углу стоит с киркой в руках Павка Корчагин — герой повести Николая Островского «Как закалялась сталь». И ни для кого из вас, наверное, не секрет, что в повести писатель рассказал о своём детстве и комсомольской юности. Не вымышлены и другие герои книги — Тоня Туманова, матрос Жухрай, столяр Долинник, Рита Устинович. Только выведены они не под своими именами.

Рядом с Павкой — славный запорожец Тарас Бульба.

Откуда Н. В. Гоголь взял своего героя? В повести писателя выведен Тарас Федорович Трясило — героический предводитель восстания украинского народа против польских панов в 1630 году.

Тарас Трясило был гетманом запорожских казаков, участвовал в походах против Крымского ханства и Турции. После того как

польским панам удалось подавить восстание, Тарас Трясило вёл переговоры с Русским царством. В 1630 году он вместе с несколькими запорожцами приезжал в Москву.

Больше о казацком вожде нет никаких известий. Погиб ли он от вражеской пули, умер ли в темнице, казнён ли палачами — мы этого не знаем. Украинский народ сложил о Тарасе Трясило легенды. Одну из них обработал поэт Т. Шевченко в песне «Тарасова ночь».

А вот и дедушка Мазай со спасёнными зайцами.

Великий русский поэт Н. А. Некрасов познакомился со старым охотником, когда бродил с ружьём по лесам Заволжья. Дедушка Мазай жил в деревне Малые Вежи недалеко от имения Карабиха. Н. А. Некрасов частенько ночевал у старого Мазая. Нередко поэт забывал обо всём на свете и не замечал, как проходили ночи, прислушиваясь к негромкому голосу старика. Многое повидал дед Мазай, поэтому его рассказы были такими интересными. Однажды старик поведал Н. А. Некрасову историю спасения зайцев. Этот рассказ и лёг в основу известного стихотворения.

И, наконец, — весёлый добрый великан, герой стихотворения С. Михалкова «Дядя Стёпа». Вот его-то поэт целиком придумал. Не было у дяди Стёпы конкретного прообраза. Просто много живёт в нашей стране добрых, сильных и смелых великанов. Поэт и написал об одном из них.

Б. БОРЕЙКО

ТВОИ РОВЕСНИКИ

(К фотоочерку на 2-й странице обложки)

Иной снимок расскажет больше тысячи газетных строк.

Этот юноша (снимок № 1) живёт в столице Конго Браззавиле. Он член бригады бдительности, которая следит за порядком и несёт патрульную службу. Парнишка, что стоит рядом с ним, — школьник, но он тоже хочет помогать старшим охранять территорию своей страны от бандитских нападений врагов. Снимок № 2 переносит нас в Демократическую Республику Вьетнам. Маленькие рыбаки из Ханоя готовятся к лову. А эти мальчишки (снимок № 3) — сыновья кубинских крестьян. Школьный городок, в котором они живут, раскинулся неподалёку от города Мансанильо.

Как известно, экватором называется условная линия, отделяющая северное полушарие нашей планеты от южного. Проходит экватор и через Уганду. Здесь ему сооружён оригинальный памятник в виде двух огромных колец. Их соединяет полоса экватора. Велосипедисту, которого вы видите на снимке № 4, повезло: одно колесо у него находится в северном полушарии, а другое — в южном. На снимке № 5 — тоже велосипедисты. Это школьники столицы ГДР. У них идёт урок... о правилах уличного движения для велосипедистов. Преподаватели — учителя и служащие Народной полиции. А вот урок моделирования (снимок № 6) в бухарестской школе изобразительных искусств. Здесь учатся будущие скульпторы и живописцы.

Последний снимок переносит нас в Индонезию. Мальчишка несёт кокосовые орехи. Они дают индонезийцам «молоко», кокосовое масло, копру.

(Фотохроника ТАСС)

ХУДОЖНИК ГОР

(Текст к фотоснимкам на 3-й странице обложки)

ВЗОШЛО солнце, причудливые тени ушли в ложбины, и вершины гор засверкали ослепительными красками. Казалось, что снег имеет тысячи оттенков, от ослепительно белого до темно-фиолетового.

Человек вышел из небольшой, занесённой снегом палатки, сделал зарядку, позавтракал, установил мольберт, взял в руки кисть и палитру. Рабочий день художника Бориса Степановича Петрова начался. Сегодня его «мастерская» расположилась на высоте 5600 метров над уровнем моря, на Эльбрусе.

Наверное, нет в мире другого художника, который бы так был влюблён в горы, как Борис Петров. Вот уже восемь лет он неизменно несколько месяцев в году проводит на Кавказе или на Памире — на малодоступных вершинах и рисует, рисует, рисует... Сейчас на его счету более 50 вершин, которые он покорил, поднимаясь в одиночку, лишь с заплечным мешком — запасом еды, красок и кистей. И около 500 картин художника хорошо знают альпинисты и работники горноспасательной службы. Уважают, восхищаются...

Несколько лет назад он в одиночестве провёл на вершинах Эльбруса одиннадцать месяцев! Однажды несколько часов провисел над пропастью, и только случайно проходившая мимо группа выручила Петрова из смертельной беды. В Домбае в гости к художнику повадился ходить непрошеный «ценитель искусств» — медведь. Скоро выяснилась и основная цель его визитов. В отсутствие хозяина гость перевернул палатку и нанёс основательный урон съестным запасам — особенно понравилось ему сгущённое молоко.

Обвалы и лавины, пронизывающий ветер и тридцатиградусный мороз не отбивают у художника желание рисовать горы. Его кисти принадлежат очень интересные полотна: «Приют одиннадцати», «Огни долины Терскола», «Красные скалы».

Художник, влюблённый в горы — так называют Петрова друзья-альпинисты. Если бы можно было присваивать звание мастера спорта за одиночные восхождения, то, бесспорно, Петров его уже завоевал. Он давно перевыполнил все нормативы. В его письменном столе десятки справок, которые выдали ему альпинистские организации в подтверждение сделанных художником восхождений. Борис Степанович и без титулов настоящий спортсмен-альпинист, слаломист, лыжник. На лацкане пиджака художника — значок «Альпинист СССР».

Фото В. Галактионова

КРАСНЫЕ ЗАМЕТКИ

ВЫДРЕССИРОВАЛИ

74-летний канадец Леонард Бэджли, живущий на берегу озера Скугог (провинция Онтарио), задался целью приучить рыб озера подплывать по сигналу к берегу для подкормки. Канадец добился успеха. После нескольких недель тренировок пара карпов стала подплывать к берегу, реагируя на звуки свистка. Позже к ним присоединились и другие рыбы.

Теперь стоит Бэджли подойти к озеру и дать один протяжный и два коротких свистка, как через несколько секунд к берегу подплывает множество мелких рыбок. Начинается кормление. Насытившись, рыбёшки уплывают, уступая место более крупным обитателям озера.

Затем звучат три коротких свистка, и к старику подплывает более десятка карпов и даже черепаха Джо.

СЛОНЫ ЗАБАСТОВАЛИ

15 слонов, выступавших в цирке Виндзора (Англия), отказались продолжать представление. Они остановились как вкопанные, и ничто не могло заставить их двигаться. Причина — резкий шум от реактивных самолётов, пролетавших с авиационной выставки в Фарнборо.

Опасаясь, что животные могут разбушеваться, владельцы цирка обратились к организаторам выставки и добились, чтобы самолёты больше не летали над цирком. Слоны выиграли забастовку!

МАКАРОНЫ ИЗОБРЕЛИ В ИТАЛИИ

Всем известно, что макароны изобрели в Италии. Но когда? 750 лет назад. По решению итальянских властей, эту дату будут торжественно отмечать. Как же макароны попали в Россию и когда? Во время царствования Петра I один из русских дельцов вербовал в Италии для строительства флота рабочих. Один из них, Фернандо, и открыл секрет выделки макарон. Производство макарон оказалось прибыльным делом, так как

они стоили в 5—6 раз дороже самой лучшей муки. Поэтому в конце XIX века фабрикант К. Динг построил в Москве первую макаронную фабрику. Она работает и поныне в Сокольниках. Макаaronная фабрика № 1 даёт продукцию высшего качества. Интересно отметить, что эта фабрика выпускает только за один день работы макаронину длиной... 1800 километров, а за месяц — 54 000 километров.

МЫЛЬНЫЙ ОСТРОВ

Земля острова Кимолос, входящего в группу Кикладских островов в Эгейском море, имеет в своём составе жирное мыльное вещество, которое жители острова с незапамятных времён используют в качестве мыла. Они моются им и стирают бельё. Когда идёт дождь, остров покрывается мыльной пеной.

...пауков насчитывается около 21 тысячи видов? Только в Подмоскowie их триста пятьдесят. Пауков так много, что в среднем на гектар леса их приходится больше миллиона. Если учесть, что каждый из них поедает сотни насекомых, становится понятным, какие они друзья леса.

★
...учёные предполагают, что в течение геологической истории Земли Южный и Северный полюсы по крайней мере дважды менялись местами? Впервые это произошло 3—4 миллиона лет назад.

★
...в солёном озере Иссык-Куль акклиматизировались пресноводные карпы? Интересно, что в солёной воде они растут быстрее.

★
...в одной из школ небольшого городка Балкбурга (Нидерланды) пришлось прервать занятия? Причина — нашествие крошечных чёрных паучков. Меньше чем за сутки они заполнили всё здание — от подвала до чердака. Учёные так и не смогли объяснить причину их появления. В окрестностях нигде нет и следа этих насекомых. Очистить школу удалось только через 10 дней.

Знаешь ли ты, что?

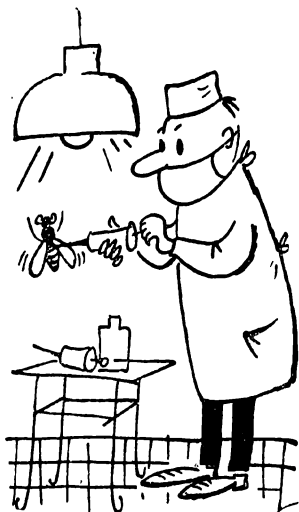
★
...мухи являются переносчиками свыше 60 видов болезней? При исследовании на поверхности одной мухи обнаружили до 6 миллионов бактерий, а в кишечнике насекомого число их достигает 28 миллионов!

★
...жадность пауков очень мешает их семейной жизни? Самцы-пауки значительно меньше самок. Стоит самцу направиться в гости к подруге, она, не особенно рассматривая, кто там колышет паутину, бросается на него и съедает, как обыкновенную муху.

★
...в одном из подземных озёр острова Сардинии обнаружены очень редкого вида «монашья» тюлени? Спустившись в пещеру, натуралисты в аквалангах обнаружили целую подземную «тюленью республику». Тюлени жили в озере шириной 100 метров и длиной 700 метров. Питались они рыбами, обитающими в подземном озере. До сих пор на Земле насчитывалось лишь несколько экземпляров этих редких животных.

★
...муравьи переносят на себе тяжёлый, часто превышающий их по объёму груз? Что же позволяет им сохранять равновесие? Зоолог Маркль из Франкфурта-на-Майне установил, что насекомые имеют специальные щёточки на усиках, шейном суставе, на «коленках», «бёдрах» и всех шести ножках. Они-то и позволяют муравью координировать движения. Поочередно удаляя щёточки, Маркль заметил, что самая точная информация о силе тяжести исходит от шейного сустава.

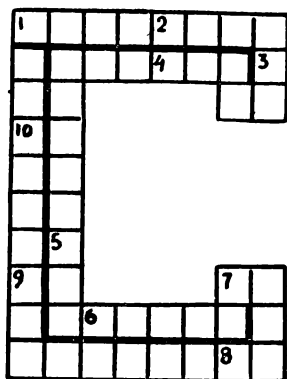
★
...муха цеце является переносчиком сонной болезни? На четвертой части африканского континента, где она наиболее распространена, невозможно заниматься скотоводством. Подсчитано, что сейчас Африка могла бы иметь 125 миллионов голов скота, то есть больше чем вдвое против теперешнего количества, если бы была уничтожена муха цеце. Хотя медики добились больших успехов в борьбе с этим злом, всё же оно не побеждено окончательно. Болезнь продолжает уничтожать скот.

ЧАЙНВОРД «С»

(Составил Витя ПРОХОРОВ, 199-я школа)

Отдел ведёт В. Акентьев

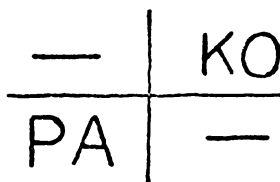
1. Остров в Эгейском море.
2. Тригонометрическая функция.
3. Крупная бабочка из семейства

бражников. 4. Великий испанский писатель. 5. Приправа ко второму блюду. 6. Птица. 7. Корм для сельскохозяйственных животных. 8. Раздел грамматики. 9. Демонстрация кинокартины. 10. Отклонение судна от курса под действием ветра или течения.

НАЙТИ СЛОВА

(Составил Серёжа ЯКОВЛЕВ)

Замените чёрточки слогами так, чтобы можно было прочесть четыре слова: -РА, -КО, КО-, РА-.

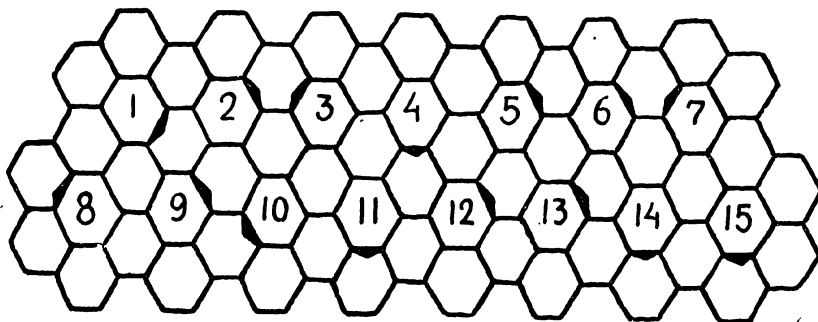
СОТЫ

(Составила Аня ШКАДОВА, 238-я школа)

Все слова этого кроссворда — шестибуквенные. Каждое слово читается вокруг соответствующей цифры по часовой стрелке, начиная с отмеченной клетки.

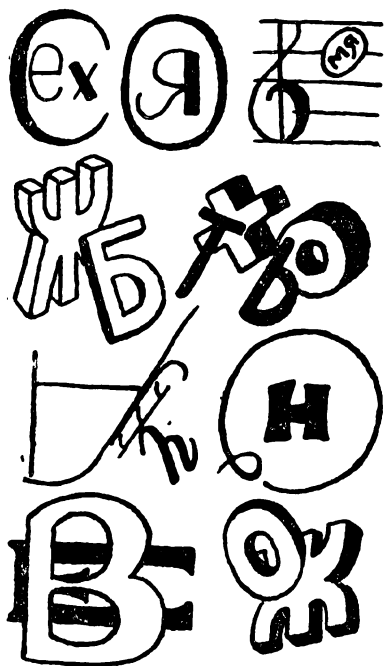
1. Военно-административная должность в дореволюционных казачьих войсках. 2. Река в Южной Африке. 3. Индейская лодка. 4. Птица. 5. Город в Узбекской ССР. 6. Птица.

7. Мелкая итальянская монета. 8. Насмешка, обличение. 9. Ива. 10. Выдающийся французский писатель и общественный деятель. 11. Берлога, жилище зверя. 12. Домашнее животное. 13. Архитектурно-художественный стиль. 14. Разновидность домашних животных. 15. Житель Венгрии.

ТОЛЬКО БУКВЫ...

(Ребус)

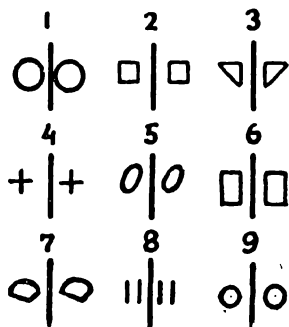

Вот какой интересный ребус составила Нина Наумова (г. Сланцы): здесь только буквы...

Разгадав ребус, прочтёте загадку. Разгадать её не так трудно — прочесть труднее.

«ЛИШНИЙ» РИСУНОК

(Составила Галя КОМАРОВА,
480-я школа)

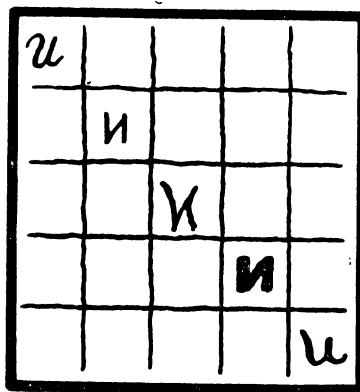

Рассмотрите внимательно эти девять рисунков и подумайте: какой из них «лишний»?

Только не торопитесь, задача не так проста, как можно подумать.

ПЯТЬ «И»

(Составила Лена ПОЛОЗОВА, п. Высоко-Ключевое, Гатчинского района)

Впишите в горизонтальные ряды пять слов, представляющих собою географические наименования — названия государств, городов, рек, островов.

При этом уже вписанные буквы (пять «и») должны оставаться на своих местах.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 5)

КРОССВОРД

По часовой стрелке: 1. Метр. 2. Форт. 3. Виза. 4. Акын. 5. Волк. 6. Прут. 7. Краб. 8. Лист. 9. Гора. 10. Круг. 11. Лель. 12. Слон. 13. Дело. 14. Уран. 15. Парк. 16. Кадр.

Против часовой стрелки: 1. Мрак. 2. Фтор. 3. Взор. 4. Азот. 5. Вика. 6. План. 7. Корк. 8. Ласт. 9. Гриб. 10. Крот. 11. Лира. 12. Слог. 13. Даль. 14. Улан. 15. Перо. 16. Кран.

ХОДОМ КОНЯ

Дмитрий Михайлович Карбышев.

РЕБУС

Добр совет на приметку бери.

ШЕСТЬ СПИЧЕК

Задачу можно решить, если треугольники будут лежать не в одной плоскости: сложив из трёх спичек треугольник, поставить из каждого угла по спичке, соединив их вверху; получится как бы каркас пирамиды.

СОДЕРЖАНИЕ

Наверно, это оттого... Стихотворение Н. Слепаковой . . .	1
Букварь на двоих. Рассказ Л. Шестакова	2
Старики и сад. Детство. Человеческий подход. — Стихи Леонида Агеева	11
Идол из старого сундука. Окончание повести Вильяма Козлова	13
Джерри Маллиган. (Из английского фольклора)	25
Ястреб. Рассказ Б. Ипатова	26
Медаль для мецената. Очерк Ю. Коршака	31
Бслельщику. Стихотворение А. Крестинского	36
Харка — сын вождя. Продолжение романа Лизелотты Вельскофф-Генрих	37
Король королевства игр. Очерк Ю. Барского	50
Как я перестал подтрунивать над коллекционерами. Очерк Г. Князева	55
Кто они? (Литературная шкатулка)	57
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Моисеевой
«По родному краю».

На 2-й странице обложки: «С фотоаппаратом по странам
мира».

На 3-й странице обложки фотоочерк В. Галактионова «Ху-
дожник гор».

На 4-й странице обложки рисунок художника В. Меньшико-
ва «Не обижай маленьких».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 18/IV 1966 г. Подписано к печати 6/VI 1966 г. 4 печ. л.
М-11735 Заказ № 646. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ХУДОЖНИК ГОР

(текст читайте на 59-й странице)

— ЗАЧЕМ ОБИЖАЕШЬ МАЛЕНЬКИХ?